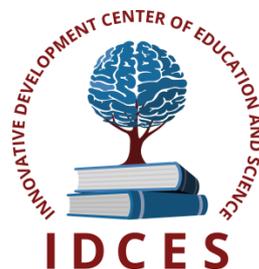

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные проблемы и достижения
в общественных науках**

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 апреля 2016г.)**

**г. Самара
2016 г.**

Актуальные проблемы и достижения в общественных науках / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г. Самара, 2016. 63 с.

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Арефьева Ирина Александровна (с.Краснореченское), кандидат исторических наук, доцент Арчебасова Надежда Анатольевна (г.Волгоград), доктор философских наук, профессор Билогур Влада Евгеньевна (г.Мелитополь), доктор социологических наук, доцент Бондаренко Галина Ивановна (г.Краснодар), кандидат философских наук Бреслер Михаил Григорьевич (г.Уфа), доктор политических наук, профессор Вартумян Арушан Арушанович (г.Пятигорск), доктор философских наук, доцент Воденко Константин Викторович (г.Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор Воронкова Валентина Григорьевна (г.Запорожье), кандидат социологических наук Жегусов Юрий Иннокентьевич (г.Якутск), доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Зинченко Виктор Викторович (г.Киев), кандидат философских наук, доцент Канц Наталья Александровна (г.Ставрополь), доктор исторических наук, профессор Малышева Елена Михайловна (г.Майкоп), доктор политических наук, доцент Марков Евгений Алфеевич (г.Череповец), доктор социологических наук, доцент Маслова Татьяна Федоровна (г.Ставрополь), кандидат социологических наук Насыбуллин Алексей Альбертович (г.Казань), кандидат философских наук Осина Оксана Николаевна (г.Саратов), доктор социологических наук, профессор Ростовская Тамара Керимовна (г.Москва), кандидат исторических наук, доцент Соловьянов Николай Иванович (г.Красноярск), доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), доктор исторических наук, профессор Шебзухова Татьяна Александровна (г.Пятигорск)

В сборнике научных трудов по итогам II Международной научно-практической конференции «**Актуальные проблемы и достижения в общественных науках**», г.Самара представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области общественных наук Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)	6
ДОРОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ПЕРИОДА XVI-XVII ВВ. Лихорадова И.Н., Мурыгин Н.Д.	6
ИСТОЧНИКИ ИНФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРАТОРОВ О ХОДЕ ЗЕМСКОГО ДЕЛА Ревякин А.А.	9
СЕКЦИЯ №2.	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)	10
СЕКЦИЯ №3.	
АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)	10
СЕКЦИЯ №4.	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)	10
СЕКЦИЯ №5.	
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)	10
СЕКЦИЯ №6.	
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)	11
МОЛДАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО – УДЕЛЬНАЯ РУСЬ – СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ Малето Е.И.	11
ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	19
СЕКЦИЯ №7.	
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	19
РОЛЬ МОРДОВСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОЦЕНКАХ ИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ (ПО ДАННЫМ ОПРОСА 2014 Г.) Абрамова О.В.	19
ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)	20
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)	20
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Рыбаков А. В.	20
СЕКЦИЯ №9.	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)	23
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ - ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Жуков А.Н.	23
МЕТОДЫ И ПРИЁМЫ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Хуртова Р.И.	25
СЕКЦИЯ №10.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)	26
СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В КУЛЬТУРНОМ ЯДРЕ РОССИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ Князева С.Е.	26

СЕКЦИЯ №11.	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)	31
ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ	
Белякова Н.С.	31
СЕКЦИЯ №12.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)	33
СЕКЦИЯ №13.	
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)	33
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)	33
СЕКЦИЯ №14.	
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)	33
СЕКЦИЯ №15.	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)	33
СЕКЦИЯ №16.	
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)	33
СЕКЦИЯ №17.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)	33
СЕКЦИЯ №18.	
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)	34
СЕКЦИЯ №19.	
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)	34
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)	34
СЕКЦИЯ №20.	
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)	34
ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ КЛАССИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ	
Тиховодова А.В.	34
СЕКЦИЯ №21.	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)	37
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «ОБЛАДАНИЯ» В ФИЛОСОФИИ Г.МАРСЕЛЯ	
Гусейнов Ф.И.	37
СЕКЦИЯ №22.	
ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)	40
СЕКЦИЯ №23.	
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)	40
ПРАГМАТИКА ФИЛОСОФИИ: КРИТИКА И АПОЛОГЕТИКА	
Обыденный Д.Н.	40
СЕКЦИЯ №24.	
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)	42
СЕКЦИЯ №25.	
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)	42

СЕКЦИЯ №26.	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)	42
ИДЕНТИЧНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ	
Реньш М.А.	42
ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
Яблочкина И.В.	45
ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ	
Герман О.Н., Радишевская Л.В.	48
СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК КОМПОНЕНТА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	
Васякин Б.С.	51
СЕКЦИЯ №27.	
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)	53
ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРА	
Корнилова И.М.	53
ТЕНДЕНЦИИ МАТЕМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	
Ивлева М.И.	55
ЭТНИЧЕСКАЯ МОДА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	
Шулбаева М.Е.	57
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14).....	59
СЕКЦИЯ №28.	
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)	59
ТЕНГРИАНСТВО КАК НЕОТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ ПРОЕКТ	
Анжиганова Л.В.	59
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД	61

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)

ДОРОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ПЕРИОДА XVI-XVII ВВ.

Лихорадова И.Н., Мурыгин Н.Д.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

История дорожного строительства являются неотъемлемой частью истории страны, и имеет непосредственное влияние на современность. Общественно-политическую историю государства необходимо рассматривать в неотъемлемом дуализме социально-экономического и технического развития. Актуальность данной работы обуславливается слабой изученностью вопроса организации, управления и развития путей сообщения.

В начале XVII века на престоле Русского государства сменилась царствующая династия. На смену Рюриковичам пришли Романовы, которые правили Россией до 1917 года. Первый царь Михаил Романов, осознавая значимость знаний о территории своей страны, велел сделать новый чертеж Русского государства, на котором показать пространство от столицы до Черного моря, польские, Рязанские и Северские города. В изготовленном чертеже были отражены сведения о дорогах. В Книге Большому Чертежу говорилось о южных дорогах следующее: «... теми тремя дорогами реками и колодезьями, и на реках Татарские перевозы и перелазы, которыми Татарове приходят на Русь, и всяким полевым урочищам, и до которых урочищ ездят из Белгорода а) станицы, и кладут доездные памяти..., и в книге и в чертеже знамя мере верстами положить по прежнему... как... в старом чертеже положена» [1, С.2-3]. В книге указывается точное направление Муравской дороги с указанием верст между населенными пунктами и реками. Города Тула и Ливны стоятся непосредственно на Муравской дороге. От Ельца в устье р. Чернавы в городке стоят заставные головы и переход имеется на Калмиусскую дорогу. Если же под г. Ливны переправится через р. Сосну, то Муравской дорогой можно было доехать до Перекопа [1, С.10]. Данные сведения позволяют предположить, что эта дорога является частью Муравской дороги, которая были хорошо известна и по ней часто проезжали торговцы в мирное время, а захватчики совершающие набеги, возвращались с обозами и пленными, что делало дорогу более проторенной.

Необходимость предотвратить стремительное продвижение нападающих войск привело к строительству засечных полос. Первыми крепостями Белгородской защитной черты, построенной в 1585г. стали г. Воронеж и Ливны. Следует заметить, что кроме названных трех основных степных дорог, были ещё известны некоторые, соединяющиеся с главными, хорошо проторенными. Так, выше Изюмского кургана пересекала р.Северный Донец Савинская дорога, соединявшаяся севернее с Изюмской.

Восточнее Дона шла через верховья Битюга между Польшим Воронежем и р. Цной Ногайская дорога, по которой вторгались на территорию Русского государства ногайские татары. «Все дороги татар проходили главным образом по возвышенностям, по сухим водоразделам рек».[2, С.52] Одной из основных целей любого набега был не захват территорий, а захват пленных и скота, т.е. грабеж. По расчету историка А.А. Новосельского татары в течении первой половины XVII в. увели в полон 150-200 тысяч русских людей, но эти цифры А.А. Новосельцев считал минимальными. По его мнению «Московская оборонительная система значительно ослабляла эффективность татарских нападений...».[3, С.435-436]

Дороги южной окраины Московского государства в течении XVI-XVII вв. претерпели постепенное изменение в своем значении. По мере продвижения границ государства на юг дороги начинают терять свое военное значение и начинают служить экономическим и административным целям.

Постепенно складывается система государственно-административного управления, однако в научной литературе отсутствует единый подход к данному вопросу. Так, первые упоминания, по свидетельству историка И.Я. Гурлянд, о Ямской избе относится к 1550 г., а о Ямском приказе – к 1574 г.[4, С.127]. Исследователь отечественной истории К.А. Неволин утверждает, что Ямская изба организована в 1505-1533 гг..[5, С.127]. Ссылаясь на разрядные книги, он утверждает, что Ямской приказ существовал уже в 1516 г.[5, С.167].

Ямской приказ размещался в Кремле и И.Я. Гурлянд в своей работе приводит список лиц, ведавших Ямским приказом с 1604 г. Дважды ведал этим приказом русский полководец князь Д.М. Пожарский в 1618-1619 гг. и 1625-1628 гг.

Организация административно-хозяйственной структуры потребовало разработки законодательных инициатив. В 1649 г. Земский собор принял Свод Законов, который получил название Соборное уложение. Этот документ упорядочивал множество аспектов русской жизни, наряду с утверждением крепостничества и самодержавия, порядком судопроизводства и др., узаконил и регламентировал вопрос организации и содержания дорог. Соборное уложение предписывало «тем людям в тех своих вотчинах по дорогам гати и мосты и плотины починивати собою, и были бы у них те гати и мосты крепки, чтобы на тех мостах и гатях проезжим людям ни за чем простою и задержанию и убытков не было. А буде кто помещики и вотчинники старые дороги потопят прудами, или вспашут к своей земле для своей корысти», то им надлежит «учинити к своей земле близко от дорог, новыя..., чтобы теми новыми дорогами всяким проезжающим людям с тяжелыми возы ездити было мощно и далеко...» [6, С.24-31].

В девятой главе Соборного Уложения «О мытах и о перевозах и о мостах» нашло отражение стремление государства улучшить состояние сухопутных дорог и техники.

Ямская изба, а затем Ямской приказ, ведали вопросами: 1) устройство ямских слобод; 2) сбором ямских денег; 3) учетом ямского расхода, т.е. жалования ямщикам и прогоны, выдаваемые по подорожным; 4) выдачей подорожных; 5) судом ямщиков во всех делах.

Ямские слободы строились наказом Ямского приказа или местной властью, а также специально присылаемыми из Москвы «стройщиками, расписывавшими дорогу» на которой намечали устройство ямов и станов, отстоящие друг от друга на 40-50 верст. К каждому стану относились ближайшие населения по росписи, составленной на основании платежных книг и опроса на месте самого населения [4, С.117-131]. Ямская слобода была искусственно созданной общиной, состоявшей из определенного числа служебных и хозяйственных единиц, которые назывались вытягами или поями. Слово «Выть» означало долю, участок, пай [7, С.146]. Хозяйственных единиц должно быть столько, сколько служебных. Другими словами каждый ямской охотник должен был иметь земельный участок (выть) для обеспечения своих нужд. В действительности часто на одной выти сидели два, три и даже больше охотников. Такое положение вызывалось тем, что не у всякого ямского охотника было всё необходимое для гоньбы. Количество вытей в ямских слободах не являлось точно определенным. Ямские слободы подразделялись в зависимости от числа вытей на 100, 50, 20, 10 паев. Наиболее типичными были ямские слободы в 60-70 или 30-40 паев. Кроме этого, ямские слободы делились на четыре типа: первого – большие, преимущественно посадские; второго и третьего разрядов – уездные и четвертый разряд – окольные, расположенные в стороне от главных дорог. Они назывались поперечными ямами и служили в качестве подъездов к большим дорогам. Ямы четвертой категории имели от 2 до 5 охотников, которые находились в ведении уездных или посадских слобод [4, С.132]. Как внешне выглядела ямская слобода можно судить по описанию того времени. Обычный ямской двор состоял из нескольких изб, сенников и конюшен и занимал 1/3 или 2/3 га. Примером могут стать Ергольский ямской двор (на Бело-озере) и Селецкий (на Дмитровской дороге) состояли каждый «из двух изб 3 саж меж углов, двух сенников на подклетьях меж углов по 2,5 саж и конюшни 4 саж меж углов выстроеных промеж сенников», при этом первый двор имел крыши из теса, а второй – лубом и драницами. Подобный вид имели и другие ямы. Многие имели погреба и ледники. Для лошадей каждого яма имелось свое тавро. Благодаря развитию ямской службы к концу XVII в. все важнейшие населенные пункты страны были соединены с Москвой.

В ямском приказе были созданы Поверстные книги, согласно которым от Москвы отходило 9 групп дорог с причисленными ямами к каждой из них и указанием расстояния между Москвой и конечным пунктом в верстах.

Первая дорога – от Москвы шла на Троицко-Сергиев монастырь до Албазинского острога «что в Даурах» и была протяженностью в 6500 верст. На этой дороге находилось 40 ямов;

Вторая дорога – от Москвы в направлении на Владимир до Яика имела смешанный путь, т.е. сухопутный с водным, была протяженностью в 3260 верст и 43 ямами;

Третья дорога – соединяла Москву через Коломну с Тамбовом. Протяженность дороги – 450 верст и 16 ямов;

Четвертая дорога – шла от Москвы через Серпухов, Ахтырск на Изюм до Новой Богородицкой. На этой дороге, протяженностью более 600 верст, было около 37 ямов;

Пятая дорога - от Москвы шла на Калугу до Киева протяженностью 960 верст, на ней стояло 25 ямов;

Шестая дорога – от Москвы шла на Волокаламский до Лук Великих. Дорога протяженностью – 547 верст. На дороге стояло – 11 ямов;

Седьмая дорога – от Москвы на Звенигород до Смоленска. Её протяженность всего 260 верст. На дороге стояло 9 ямов;

Восьмая дорога – Москвы направлялась через Клин до Олонца. Протяженность дороги 840 верст с 8 ямами;

Девятая дорога – от Москвы через Дмитров до Углича. Протяженность пути – 340 верст, а на дороге стояло 6 ямов.

Таким образом, протяженность дорог России, обслуживаемых ямской службой того времени составляла 13757 верст. На этих дорогах было устроено 195 ямов.[8]

Такова основная сеть дорог Русского государства конца XVII в. Организация регулярного сообщения на этих дорогах, прокладка и обустройство их требовали огромной работы со стороны правительства и власти на местах. Издаются ряд указов, из которых создавалась так называемая Указная Книга Ямского приказа. Первый указ из этой книги датируется 8 марта 1627 г. он определил число подвод (от одной до двадцати), которые следует, в зависимости от чина, выдавать проезжающему.

Во второй половине XVII в. в России организуется почта. Первоначально она находилась в ведении Посольского приказа, и была тесно связана с ямской службой. Большую роль в создании почты следует отнести государственному деятелю XVII века боярину А.Л. Ордын-Нащёкину, который используя опыт ямской службы, создал почту для пересылки государственных бумаг и частных писем. [9]

Продолжая реструктуризацию вновь образованного административного органа в конце XVII в. были учреждены первые почтовые дороги. Первоначально таких было 3: первая – Москва, через Смоленск в Вильну; вторая дорога – Москва через Псков и Новгород в Ригу; третья дорога – Москва через Вологду и Вельск в Архангельск.

Нетрудно провести анализ и сделать вывод, что эти дороги совпадают с направлениями важнейших ямских дорог, шедших из Москвы в Смоленск, Новгород и Архангельск. В дальнейшем число этих дорог увеличилось, что позволяет говорить о формировании и организации работы целой сети правительственных почтовых трактов. Из них наиболее важными были: 1. Москва - Калуга – Севск - Киев (Малороссийский тракт); 2. Москва – Калуга – Севск –Ахтырка – Полтава - Запорожье (Запорожская почта); 3. Москва – Тула –Мценск – Курск - Белгород (Белгородская почта); 4. Москва – Тула - Новый Оскол - Азов (Воронежская и Азовская почта); 5. Москва – Коломна - Тамбов (Тамбовская почта).

Создание почтовых дорог и почтовой службы было вызвано хозяйственными и политическими потребностями государства того времени. Особенно активизировалась почтовая служба в конце XVII века в связи с преобразовательной деятельностью Петра I.

Список литературы

1. Книга глаголемая Большой Чертеж, изданная по поручению Императорского общества истории и древностей российских, действительным членом общества Г.И. Спасским. М. - 1846.- С.2-3.
2. Загоровский В.П. Белгородская черта./В.П. Загоровский. - Воронеж :Изд. –во ВГУ.-1969. - С.52.
3. Новосельцев А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. / А.А. Новосельцев. - М.-Л. - 1948. - С. 435-436.
4. Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве конца XVII века / И.Я. Гурлянд. – Ярославль: Типография Губернского Правления, 1900. – 420с.
5. Неволин К.А. Образование управления в России от Ивана III до Петра Великого. - ПСС. -Т.IV. - СПб. 1859. – С.127.
6. Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича. Перепечатано из полного собрания законов.- Гос. типогр.- 1913. - с.24-31.
7. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современное написание. М. 2000.- С.146.
8. Лихорадова И.Н. История дорожного строительства на территории Воронежского края: монография/ И.Н. Лихорадова, Вл.П. Подольский. – Изд-во гос. ун-та, 2006. – 176с.
9. Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Опыт исследования некоторых вопросов русской литературы во 2-ой половине XVII века, том 1 (текст исследования). Варшава. 1913; том II (приложение к исследованию). Варшава. 1913.; Соколов Н.И. С.-Петербургская почта при Петре Великом. СПб. 1903.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМИРОВАНИЯ ИМПЕРАТОРОВ О ХОДЕ ЗЕМСКОГО ДЕЛА

Ревякин А.А.

Орловский Государственный Университет имени И.С. Тургенева

Знакомясь с документами, представлявшимися на высочайшее усмотрение можно сделать вывод, что Александр 2 и Александр 3 были достаточно хорошо информированы о ходе земского дела, так как многие распоряжения носившие даже административный характер производились только по «Высочайшему утверждению»¹. В письменных отчётах и устных выступлениях, руководители ведомств и министерств периодически упоминали о деятельности органов самоуправления. Все эти данные протоколировались и предоставлялись императору. Практически все вопросы, которые обсуждались в Комитете министров и Госсовете, если была необходимость, доводились до сведения императора. Кроме того, императоры для предварительного обсуждения различных важных вопросов собирали совещания с узким кругом лиц². Решения принятые на таких собраниях передавались профильным министрам для дальнейшей доработки и вынесения на утверждение в кабинет министров или Госсовет. В переписке императоров с различными лицами крайне редко затрагивалась тема земств, однако стоит отметить, что мнения³ высказанные в переписках об органах самоуправления некоторым образом влияли и на взгляды императоров. Императоры самостоятельно читали много различных документов. Вот как описывает современный биограф повседневность Александра 2 в 1860-1870-х годах: «Распорядок дня императора оставался неизменным. Он вставал в 8 часов утра, одевался и совершал пешую прогулку вокруг Зимнего дворца. Вернувшись, пил кофе с неизменно состоявшем при нём доктором Епихиным и императрицей. Затем шел в кабинет и работал с бумагами, скопившимся в царском бюро. Ворох бумаг образовывался ежедневно, потому что высочайшей степени централизации до императора доходило всё, в том числе и самые пустяковые вопросы. В 11 часов с докладами являлись министры: военный – каждый день, великий князь Константин Николаевич – по мере надобности, степень которой устанавливал он сам, министр иностранных дел – два раза в неделю, председатель Государственного Совета – один раз в неделю, прочие министры для приезда с докладом должны были испрашивать специальное позволение императора»⁴. Современник Александра 2 писал: «покойный государь был замечательно добросовестный работник. Все представлявшиеся его величеству дела рассматривались безотлагательно. Я знаю это не только по рассказам других, но и по собственному опыту»⁵. Александр 2 не прерывал изучение корреспонденции, документов и в поездках «читая дела не только на пароходах и железных дорогах, но даже и в городах, где оставался короткое время»⁶. Несомненно, регулярным и информативным источником о деятельности земских учреждений были ежегодные губернаторские отчёты. Данные отчёты не были строго формальными, сухими документами. Губернаторы дополняли отчёты собственными предложениями, размышлениями зачастую носившим эмоциональный и пространственный характер. С одной стороны такой облик отчётов оживлял их, давал более глубокую картину положения дел на местах. С другой же стороны, субъективизм оценок губернаторов иногда приводил к не полной и искаженной картине реального хода земского дела. Тем не менее отметки⁷ которые ставили императоры на данных документах позволяют сделать вывод, что они обладали достаточно подробной информацией о том или ином регионе. Ещё одним источником информирования и влиявшим на представления о земской действительности были «всеподданейшие адреса». Под этим термином понималось «просительное, поздравительное или благодарственное письмо какого-либо места или сословия»⁸. Фрейлина супруги Александра 2 Марии Александровны характеризовала их как «сборище узаконенных официальных верноподданических фраз»⁹. Зачастую адреса составлялись в связи с произошедшими значительными событиями, происшествиями как в жизни страны так и земства. Стоит отметить, что адреса не носили обязательный характер, но тем не менее высшая власть иногда намекала о желательности определённых адресов. Большая часть первых земских собраний по поводу введения самоуправления не составили благодарственных адресов. Тем не менее «пермское губернское

¹ Дневник Перетца Е. А. (1880-1883) М.-Л., 1927. С. 30.

² См. о таких совещаниях: Дневник Д. А. Милютин Т. 2. М., 1949; Дневник Д. А. Милютин Т. 3. М., 1950.

³ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 366-367.

⁴ Ляшенко Л. Александр 2 или история трёх одиночеств. М., 2002. С. 158.

⁵ Перетц Е. А. Указ. Соч. С. 30.

⁶ Там же.

⁷ Свод высочайших отметок по всеподданейшим отчётам за 1882-1904 годы губернаторов, начальников областей и градоначальников. Спб., 1883-1907. Изд. Ежегодное.

⁸ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Спб., 1947.

⁹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853-1882. Тула., 1990. С. 322.

земское собрание было одним из немногих, принявших на открывшейся 1 декабря 1870 г. первой очередной сессии верноподданический адрес. Этим пермские земцы сразу же показали своё лицо»¹⁰. «Ценность основной массы адресов как источника для выяснения отношения общества к тем или иным событиям, послужившим поводом для их составления весьма сомнительна»¹¹.

Ещё одним источником информирования императоров о состоянии земских дел были встречи с населением. Однако эти встречи носили пафосный характер. Вот как Ляшенко описывает встречу императора с народом во время семимесячного путешествия по России: «Крик «Ура!» постоянно сопровождавший путешественников настолько навяз в ушах, что слышался великому князю и его свите даже в полной тишине, заставляя их просыпаться по ночам»¹². Таким образом, во время этих торжественных встреч увидеть объективную картину происходящего на местах не представлялось возможным, наоборот, формировался «романтический налёт». Более того, эти встречи организовывались редко и носили кратковременный характер, а после первых покушений на Александра 2 стали формальным явлением. Времена когда императоры прогуливались по паркам и площадям Санкт-Петербурга в одиночестве или с небольшой свитой канули в лету. Стоит отметить, что повседневная жизнь императора проходила в заслушивании и чтении многочисленных бумаг, проведении совещаний. Ведении переписки, посещении театра, общении с сановниками. Поэтому журналы Комитета министров, Госсовета, беседы личного характера, доклады министров и отчёты ведомств, и особенно отчёты губернаторов создавали в глазах императоров пеструю, сложную картину местной действительности.

Список литературы

1. Дневник Д. А. Милютина Т. 2. М., 1949; Дневник Д. А. Милютина Т. 3. М., 1950.
2. Дневник Перетца Е. А. (1880-1883) М.-Л., 1927. С. 30.
3. Ляшенко Л. Александр 2 или история трёх одиночеств. М., 2002.
4. Нардова В. А. Законодательные документы 60-х годов 19 в. об адресах на «высочайшее имя»// Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9. С. 259.
5. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.
6. Свод высочайших отметок по всеподданейшим отчётам за 1882-1904 годы губернаторов, начальников областей и градоначальников. Спб., 1883-1907. Изд. Ежегодное.
7. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Спб., 1947.
8. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853-1882. Тула., 1990.
9. Черныш М. И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь., 1959. С. 96.

СЕКЦИЯ №2.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)

СЕКЦИЯ №3.

АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)

СЕКЦИЯ №4.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)

СЕКЦИЯ №5.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)

¹⁰ Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь., 1959. С. 96.

¹¹ Нардова В.А. Законодательные документы 60-х годов 19 в. об адресах на «высочайшее имя»// Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9. С. 259.

¹² Ляшенко Л. Указ. Соч. С. 31.

**СЕКЦИЯ №6.
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)**

**МОЛДАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО – УДЕЛЬНАЯ РУСЬ – СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ:
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

Малего Е.И.

Д.и.н., Институт российской истории РАН, г.Москва

«В восточнославянских источниках и, прежде всего, в русских летописях находим неоднократные упоминания о контактах с «волохами» - так издавна назывались жители Среднего и Нижнего Подунавья. Значительная их часть уже в IX-X вв. приняла христианство по восточному обряду. На территории образовавшихся позднее Валашского и Молдавского княжеств, а также на землях значительной части Трансильвании вместе с христианством распространилась славянская письменность, вследствие чего славянский язык вплоть до середины XVIII столетия оставался здесь официальным языком Церкви и государственного делопроизводства»[9, с.315-320; 4, с.146; 10, с.174]. Само географическое расположение этих земель (между Карпатами, Днестром, Дунаем и Черным морем), близкое соседство с Венгерским и Польским королевствами, Галицким княжеством и другими русскими землями во многом предопределили активное участие Валашского и Молдавского княжеств в международной жизни юго-восточной Европы. А общность языка, культуры и православной веры, пришедшей сюда из Византии, придали устойчивость и динамизм развитию экономических, политических и культурных связей с Русью на протяжении столетий, невзирая на изменения геополитических условий.

Историческая область “Молдова”, включающая в себя территорию современной Молдавии, восток Румынии и Буковину, в X - XII вв. веках входила в сферу влияния Киевской Руси.

В XIII в. “Валахия” и “Молдова” подчинились власти Болгарского Тырновского царства, а затем испытали нашествие золотоордынцев. Ордынские завоевания затруднили торговые связи европейцев и повлияли на всю структуру торговых путей в Восточной Европе. Значение Великого восточного караванного пути, идущего из Китая и Центральной Азии через Ургенч, Астрахань в столицу Золотой Орды – Сарай-Берке (недалеко от современного Волгограда на Средней Волге) и в Тану (г.Азов) на Дону, увеличилось. Известно, что в XIII- XIV вв. этот караванный путь проходил к западу через юго-западную Русь и Польшу в Западную Европу. Возможно, он проходил от Сарая по Дону к Азовскому и Черному морям, к городам Крыма, Малой Азии и Константинополю. Восточная торговля концентрировалась в сирийских портах и Александрии, что привело к отклонению Великого торгового пути. Наиболее активными зонами торговли были районы Черного, Азовского и Каспийского морей. Тана, и особенно Каффа, являлись крупными рынками работорговли, где ордынцы продавали рабов, захваченных в русских землях, на Кавказе и в степных районах [18, Р.334, 526-527, 586-587].

«Во второй половине XIII века весь северный берег Черного моря оказался под их контролем, а уже в 70- х гг. указанного столетия границы Золотой Орды достигли Нижнего Подунавья. К 30-м годам XIV столетия в состав Золотой Орды была включена и центральная лесостепная часть Пруто-Днестровского междуречья» [1, с.89]. Вплоть до середины XIV века молдавские земли оставались под властью Золотой Орды [18, р.334,526-527, 586-587; 24, с.175-190; 25; 14, с.276-281]. Со временем она распалась на множество мелких, дерущихся между собой «ханств», а на окраинах её бывших владений появились новые геополитические игроки. В том числе, на западной окраине Золотой Орды образовалось Молдавское княжество, а по сути - новый регион политической и экономической стабильности, который открыл широкие возможности не только для самой Молдовы, но также для иноземных купцов, паломников, дипломатов, осуществлявших международную связь Востока с Западом, в т.ч. со Святой землей.

По летописной версии Молдавское княжество, как государственное образование, возникло в 1359 г., когда эти раздробленные земли объединились в княжества Валахия и Молдова. Создали его волохи и русины – выходцы из Восточного Прикарпатья - под руководством боярина Богдана I (1363 - ок.1367) [34, с.9-10; 35, с.10-18]. Воспользовавшись занятостью венгерского короля Лайоша войной с Венецией и балканскими проблемами, Богдан объединил существовавшие здесь политические образования вlahов в единое государство и в 1365 г. добился признания его независимости. Столицей княжества стал г. Сирет. Большое значение для укрепления нового государства на юго-востоке Европы имела «замятня» в Золотой Орде и победа русских на Куликовом поле

1380 г., заставившие Орду отвести свои войска из Нижнего Подунавья. Это был тяжелый период обострившейся католической агрессии против юго-западной Руси, время поглощения южнорусских земель великим княжеством Литовским и Польшей, когда пользуясь прекращением рода Даниила Галицкого (1340 г.) и ослаблением русских земель из-за нашествия ордынцев Литва и Польша присоединили себе значительные территории: Волынь вошла в состав Литвы, а Галицкая Русь - Польши [12, с.213-218; 37, с.7-10].

Несмотря на давление со стороны более сильных соседей Валашское и Молдавское княжества в XIV—XV вв. постепенно набирали силу: укреплялись внешнеполитические связи, усиливалась господарская (княжеская) власть, аппарат управления, воздвигались крепости и пограничные оборонительные сооружения, налаживалась торговля. Важность стратегического положения Молдавского княжества во многом предопределил тот факт, что через его территорию проходили международные торговые пути из Польши и Германии в Византию, из Венгрии и Трансильвании к русским княжествам, из Валахии в Польшу и другие страны. Государство в лице господаря богатело, поскольку он осуществлял контроль над купцами, обеспечивал безопасность, взимал пошлины, получал право выбрать тот или иной товар. Если раньше иноземные купцы активно использовали «молдавский» торговый путь (Via Valahica), проходивший по линии Краков ↔ Львов ↔ Сучава ↔ Чёрное море, то уже со второй половины XIV столетия маршрут сдвинулся, т.к. предпочтение было отдано новому безопасному пути, пролежавшему через земли Молдавского княжества. Выходя в район Белгорода-Днестровского, купцы садились на корабли, принадлежавшие зачастую предприимчивым византийцам, туда же загружали товар, а затем плыли по морю или шли вдоль берега на восток. В XV веке значение торговли возросло еще больше, т.к. территория княжества стала зоной транзитной торговли. С востока во Львов через Молдавское княжество везли ткани и пряности, с юга в Северную Европу — воск, серебро и т. д. Молдавские купцы и господари активно заключали сделки с иностранными городами (известны, например, договоры 1409 года со Львовом и 1413 года с Брашовым). А в городах Молдовы торговали купцы из Московского великого княжества, Литвы, Византии, Генуи, Армении, Польши, Валахии, Крыма. Особенно интенсивно развивались портовые города, имевшие выход к Чёрному морю, например, Килия, Аккерман и др. Купцам предоставлялись особые торговые привилегии. Благодаря византийцам-грекам, которые владели в то время большей частью мирового торгового флота и активно занимались торговлей по всему Причерноморью, появилась возможность развивать связи Молдовы не только с Константинополем, но также с Трапезундом, княжеством Феодоро (Мангуп) и другими городами Малой Азии, Крыма, а позднее и Крымского ханства. В итоге - Молдова получила доступ не только к участию в широкой международной торговле, но и мировой политике.

Между тем внешнеполитические обстоятельства вынуждали господарей постоянно вести борьбу за сохранение независимости, проводить политику лавирования в зависимости от расстановки сил в регионе, а также от внутривосточной обстановки в самих княжествах. Сменивший Богдана на молдавском престоле его сын - господарь Лацку (1365—1373), а затем Петр I Мушат (1375—1391) активно укрепляли центральную власть, отвечавшую интересам защиты княжества от внешней опасности. Значительных успехов достиг господарь Александр Добрый (1400—1432): большое значение для княжества имело завоевание им порта Килии в устье Дуная и Монкастро (Белгорода-Днестровского). К сожалению, полную независимость этих земель ему сохранить так и не удалось. Уступая внешней силе, господари Молдавии были вынуждены стать вассалами сначала Венгерского королевства, а с 60-х -70-х гг. XIV столетия Польской короны. Тогда же на землях Молдавии стало распространяться католичество: по благословению Римского папы Урбана V в г. Сирет была основана католическая епархия (1370 г.), позднее появилась епархия и в г. Бае (1413 г.), которая просуществовала до начала XVI века [20, с.516-520]. Но католицизм не пустил глубоких корней на молдавской земле. Попытки утверждения католичества, которые предпринимались здесь под давлением Польши, в целом оказались неудачными: подавляющее большинство населения продолжало сохранять верность православию, выступая против засилья венгров и поляков, а интегрирующая роль православной церкви, где богослужение велось на церковно-славянском языке, ускорила этнокультурный синтез на молдавских землях. Духовными центрами Молдавии стали Нямецкий, Быстрицкий и Путнянский монастыри, созданные еще при первых господарях.

До XIV века в Молдове не было своих епископов, молдавская церковь подчинялась митрополиту Галича и богослужения совершали священники, приходившие из галицких, т.е. южно-русских земель. Первым предстоятелем Унгро-Влахийской митрополии, возникшей на территории Валахии, стал свт. Иакинф (Критопул). Известно, что он находился во главе митрополии Вичина (обл. Добруджа) и в годы своего служения стремился к установлению тесных связей с Константинополем. В мае 1359 г. его усилия увенчались успехом: Константинопольский патриарх Каллист I (1350-1353; 1355-1363) официально признал Унгро-Влахийскую митрополию [6, с.35-56; 19, с.247-265]. Однако следует подчеркнуть, что «православная Церковь на территории княжества лишь номинально подчинялась Константинопольскому патриарху. Молдавское Государство уже в XIV веке имело свою Православную Церковь, хорошо организованную и обладающую канонической структурой, со

своим митрополитом, а Молдавская митрополия добровольно вошла под юрисдикцию Константинопольского патриарха на правах автономии. Молдавские иерархи выбирались своим же духовенством, утверждались в должности своим господарем и его советом, где митрополит был главным советником. Нередко бывало, что о посвящении своих епископов митрополиты Молдовы лишь уведомляли патриарха. В 1387 г. молдавский господарь Петр I Мушат сам без согласования с Константинополем поставил главу молдавской церкви – епископа с титулом «владыки» (митрополита), что вызвало резкое противодействие константинопольского патриарха Антония IV (1389-1390; 1391—1397- вторично), который не хотел ущемления своей власти» [31]. Чтобы укрепить позиции Константинополя в 1394 г. патриарх назначил для молдавской церкви отдельного митрополита - грека Иеремию, но ставленника патриархии изгнали из Молдавии. Спустя несколько лет патриархия предприняла ещё несколько попыток: сначала - прислала нового иерарха, Михаила, которого Молдова также отказалась принимать, как и остальных. А в 90-е годы XIV столетия византийский император Мануил Палеолог, согласовав свои действия с патриархией, отправил в Молдову уже специальную «политико-религиозную миссию» во главе с протопопом Петром. Патриарх поручил протопопу Петру временное руководство молдавской церковью и просил господаря Штефана I (ок. 1394-1399) в присланных ему письмах, чтобы тот изгнал из страны «псевдоепископов», то есть тех, которые были назначены без согласия патриархии. Дело дошло до того, что патриарх предал Молдавию анафеме, а для урегулирования конфликта в 1401 г. из Константинополя уже новый патриарх Матфей I (1397-1410) направил для урегулирования спорных вопросов между Константинопольской митрополией и молдавским митрополитом Иосифом специального патриаршего посла. Им стал ученый-богослов, болгарин по происхождению Григорий Цамблак.

Он родился в 1364 г. в Болгарии и в историю вошел как писатель - автор многочисленных проповедей, церковный иерарх Византии, Болгарии, Сербии, Молдавии, Белоруссии и Украины, а также племянник митрополита Литовского, позднее - митрополита всея Руси – Киприана (1390-1406). От имени константинопольского патриарха Григорий Цамблак утвердил ставленника молдавского господаря первого митрополита – Иосифа, а после урегулирования конфликта между церковной и светской властью по просьбе господаря Александра Доброго взялся за написание на церковно-славянском языке жития местного молдавского святого - Иоанна Нового, который считался небесным покровителем Молдовы [27, с.12]. До 1406 г. служил в должности «пресвитера великой церкви Молдовлахийской», т.е. в соборной церкви г. Сучава, руководил перепиской богослужебных книг, в 1406 г. был вызван из Молдавии на Русь митрополитом Киприаном, но по пути уже в пределах Литвы узнал о его смерти; «здесь и остановился». В 1409 г. переехал в Киев, где при поддержке великого князя литовского Витовта стал активным участником церковно-политической борьбы между Москвой и Литвой [11, с.330-347; 33, с.60].

Противостояние Витовта и митрополита Фотия (1408-1431), назначенного Константинополем на место Киприана и симпатизирующего московской объединительной политике привело в итоге к разрыву: Собор южно-русских епископов в г. Новогрудке литовском (1415 г.) в присутствии и по желанию Витовта, но без благословения патриарха Константинопольского, рукоположил Григория Цамблака в сан митрополита Киевского и литовского. Собор подтверждал свое решение, рассылая оправдательное послание, а Витовт со своей стороны разослал Окружную грамоту[3, №24, 25]. В ответ московский митрополит Фотий написал три письма с проклятиями собору и обвинениями в незаконном поставлении, а новый вселенский патриарх Иосиф II (1416-1439) подтвердил отлучение Григория от церкви. Между тем, пользуясь покровительством великих князей литовских, Григорий Цамблак продолжал возложенную на него миссию. В 1416 г. он перенес митрополию из сожженного Едигеем г. Киева в Вильно, а в 1418 г. во главе большой группы православного духовенства, состоящей из представителей Литвы, Великого Новгорода, Молдавии и Великой Орды Едигея прибыл на Констанцкий собор, созванный по инициативе папы Римского Мартина V и немецкого короля Сигизмунда. В силу политических причин на соборе Григорий Цамблак выступил за достижение унии с католической церковью, возможно, следуя рекомендациям князя Витовта и мечтая о военной помощи Балканским странам со стороны участвующих в соборе государств. Но в Киеве эта инициатива не нашла понимания и поддержки. Несмотря на церковно-политические разногласия с митрополитом Киевским, в Москве сохранилось уважительное к нему отношение. О его смерти в 1419 г. Никоновская летопись сообщала: «Тое же зимы умре Григорей митрополит Цамблак на Киеве, родом болгарин, книжен зело, изучен убо бе книжней мудрости всяцей из детства, и много писания, сотворив, остави» [22, с.235]. Позднее в вопросе об унии с католиками молдаване проявили конфессиональную солидарность и заняли ту же позицию неприятия, как и православное духовенство Киевской митрополии. Митрополит Молдавии, под давлением патриарха Константинопольского, поддержавший унию на Флорентийском соборе 1438-1439 гг., не посмел возвратиться в княжество.

В конце XIV века у границ Валашского княжества появился новый и могущественный враг – османы. По мере усиления влияния Порты угроза с её стороны стала реальной и для Молдавского княжества. Международная

обстановка осложнилась. Все расширяющиеся завоевания османов на Балканах и в Малой Азии привели в итоге к падению Константинополя и Византийской империи. После трагических событий 1453 г. геополитическая ситуация в мире изменилась. Константинополь, превратившись в Стамбул, утратил статус мирового центра Православия. Константинопольская патриархия сохранилась, но потеряла прежний авторитет и использовалась османами в своих политических интересах. Значение Черного и Средиземного моря пошло на убыль, а в торгово-экономическом и международном плане возросла роль Центральной, Восточной и даже Северной Европы. Но это отнюдь не умалило общего политического и экономического значения Черноморского и Средиземноморского бассейна.

В условиях тяжелого внутреннего положения в княжестве, молдавский господарь Петр III Арон (1451-1452; 1454-1455; 1455-1457) осенью 1455 г. был вынужден согласиться на уплату султану Мехмету II дани. Таким образом, в XV столетии Господари Валахии и Молдовы стали вассалами Порты и оказались втянутыми в конфронтацию Османской империи и государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Главной целью стратегических планов утверждения османов в юго-восточном регионе Европы было приобретение ключевых позиций на Черном море и на Дунае, что позволило бы укрепить торгово-экономический потенциал империи. Претворение в жизнь этих планов сталкивалось с интересами европейских стран, прежде всего, Венеции, королевства Венгрии и Польши, в свою очередь также стремившихся к установлению контроля над важнейшими путями черноморской торговли и дунайской торговой артерией[29].

К этому периоду относится правление знаменитого господаря Молдовы св. Стефана III Великого (чел Маре, 1457-1504), при котором молдавские земли достигли своего наивысшего расцвета. Он успешно воевал с турками-османами, венграми и поляками, сотрудничал с итальянцами и Русью, поддерживал монастыри Святой горы, предоставляя в подворья Афону церкви Молдавии вместе с их землей. Во многом благодаря таким усилиям эстафета греко-византийской духовности и в условиях османских завоеваний не погибла, а была бережно передана остальному миру. При этом дружественные, родственные или матримониальные связи с Русским государством играли большую роль в его политике: первый свой брак Штефан заключил с Евдокией из рода Рюриковичей, а затем выдал свою дочь Елену (знаменитую Елену-Волошанку) за сына русского царя Иоанна III Ивана (Молодого). Внук Штефана, царевич Дмитрий, был провозглашен наследником московского престола и если бы не возникшие трагические обстоятельства, то оба княжества были бы объединены под одним скипетром еще в начале XVI столетия. К сожалению, после поражения верных ему войск, как и его предшественники, Штефан вынужден был признать власть турецкого султана [32; 40, с.33-118].

С конца 30-х гг. XVI столетия османы целиком подчинили себе земли Валахии и Молдовы. После утверждения здесь турецкого владычества, Молдавия лишилась статуса независимого государства, хотя и продолжала сохранять прежнее государственное устройство, местное управление, а также автономию православной церкви с подчинением её непосредственно Константинопольской патриархии. Благодаря относительной самостоятельности княжеств, церковь на их территории не испытывала таких притеснений со стороны турок, как в сопредельных странах. Митрополиты избирались местными епископами, господарями и сохраняли значительное влияние на ход государственных дел. Господари оказывали церкви щедрую финансовую помощь у себя на родине, а также благодарили афонским монастырям (на их стенах сохранились надписи-граффити, оставленные молдавскими паломниками), которые поддерживали многовековые тесные контакты с Балканами, православным Востоком и с русской церковью.

Судя по сохранившимся в русской истории известиям, связи молдавских и русских земель продолжали оставаться достаточно интенсивными на протяжении многих столетий. И сближала их не столько «география», экономика или политика, но, прежде всего, общность конфессиональных христианских истоков, пришедших с Востока. Европа и европейская знать еще со времен крестовых походов интересовалась Востоком и восточными товарами, особенно предметами роскоши. А поскольку сознание средневековых европейцев во многом определялось христианскими ценностями, особый интерес они испытывали к району Восточного Средиземноморья – колыбели христианской культуры. Традиция паломничества к святым местам Византии, Малой Азии, Палестины и Египта возникла в христианском мире в IV веке под воздействием путешествия святой Елены в Иерусалим с целью поиска истинного креста, где был распят Иисус Христос. Странствие Елены, причисленной затем к лику святых, привело к воздвижению креста Господня и получило широкий резонанс во всем христианском мире. Тогда же появился и первый путеводитель по Святой земле – Бордосский путник (333 г.). После крещения Руси эта традиция была воспринята и новообращенными жителями восточнославянских земель, что расширило международные связи Киевского государства, способствуя увеличению количества путешествий в Константинополь и на христианский Восток, главным образом в Палестину и её религиозный центр – Иерусалим.

В древней русской литературе и в летописях сохранились сочинения паломников, купцов, дипломатов составленные в виде путевых записок или отчетов – т.н. «хожения» (совр. - хождения) в Византию, Палестину, Египет, Италию и другие заморские земли в удельный период русской истории [13; 17, 7]. Описывающие маршруты путешествий к величайшим христианским святыням Константинополя, Иерусалима, Афона, Синая и проч., они представляли собой одну из форм информационной разведки эпохи средневековья, игравшей заметную роль во внешней политике и дипломатической практике наиболее значительных земель и княжеств удельной Руси. Наиболее частым местом посещения был Константинополь - исторический центр православия. Поскольку христианство пришло на Русь из Византии, последняя длительное время в сознании русских православных людей считалась высшим духовным наставником и примером, тем более, что именно в Константинополе на Фанаре находилась резиденция Патриарха. Путешествия русских не были редкостью ни в эпоху средневековья, ни в последующие столетия. Во многом благодаря их усилиям Русь была хорошо информирована о том, что происходило в этом регионе, в т.ч. о судьбах Восточной римской империи, о положении Константинопольского Патриархата и Константинополя – крупнейшего центра мирового христианства. Летописи позволяют лишь в самых общих чертах прояснить «географический кругозор» наших далеких соотечественников, выявить их интерес к отдельным маршрутам, например, к пути «из варяг в греки». «Хожения» же, напротив, содержат дополнительную и крайне важную информацию, которая помогает понять, какие регионы мира привлекали внимание представителей русских удельных земель (Новгорода Великого, Пскова, Полоцка, Суздаля, Москвы, Твери); какими маршрутами путешественники шли, какие границы и пограничья преодолевали в ходе «хожений», насколько интенсивными были церковные связи русских земель с сопредельными государствами. Весьма любопытные известия, безусловно, заслуживающие внимания специалистов содержат они и о роли Молдавии и молдавских земель на пути из удельной Руси в Святую землю.

С 30-х гг. XII в. Русь вступила в сложный и крайне противоречивый период удельной раздробленности, осложненной в XIII в. ордынским нашествием. В условиях новой геополитической реальности русской истории от Киева отделились земли Северо-Восточной, Северо-Западной и Юго-Западной Руси, изменились не только общерусские внешнеполитические ориентиры, но и границы: они перестали быть общегосударственными. Одна часть пограничных зон стала районами стабильных и интенсивных торговых и культурных контактов между сопредельными территориями, другая, особенно на юго-востоке, постепенно утратила свое «барьерное значение», что снизило их возможность организовывать сопротивление внешним врагам, третья (особенно на западе и юго-западе) – все больше удалялась от Руси в экономическом, политическом и культурном плане. Внешняя политика приобрела региональный характер. Вместе с тем, в таком региональном, локализованном виде «все прежние внешнеполитические приоритеты, которым следовали удельные княжества по отношению к своим соседям ранее, не были утрачены, а, напротив, на новом витке исторического развития получили свое дальнейшее развитие» [28, с.91-92; 8, с.103-110]. Каждое княжество – Киевское, Галицко-Волынское, Черниговское, Новгородское, Смоленское, Владимиро-Суздальское, Муромо-Рязанское, Полоцкое и др. оставалось полноценным и полноправным носителем социально-экономического, культурного, конфессионального и, конечно, внешнеполитического наследия Киевской Руси, которая после распада как бы делегировала удельной Руси и ее княжествам свои геополитические интересы.

К сожалению, растеряв былую мощь, и не сумев оказать должного сопротивления и отпора кочевникам на юге, уже к 1240 г. большая часть юго-западной, южной и северо-восточной Руси была завоевана ордынцами, которые вплоть до 1480 г. оказывали доминирующее влияние на ход русской истории. Общее ослабление Руси после нашествия Орды привело к локализации, измельчанию и дифференциации внешнеполитических ориентиров русских княжеств и удельных земель. Русь оказалась втянутой в орбиту монгольской внутренней и внешней политики, выполняя роль буфера между Ордой и Европой. Одним из результатов этих процессов стало не только ухудшение международной обстановки, но и активизация политических противников Руси на юго-западе и северо-западе. Уже к середине XIV в. Русь потеряла часть своих территорий: Юго-западными землями овладели Польша, Литва и Венгрия, под чью власть попала и Молдавия; Литва присоединила Полоцкую землю и Смоленское княжество. Русь с трудом контролировала устье Невы и защищала Карелию, западную часть которой отторгла Швеция. Ценой больших жертв и усилий удерживали Псков, отражая вторжение рыцарей Ливонского ордена. В сложившихся условиях постоянных набегов Золотой Орды, опасности нападения Швеции, Ливонского ордена и Литвы великие князья московские (Иван Калита, Дмитрий Донской и их последователи) уже с 30-х гг. XIV в. стали объединять русские земли. Этот процесс шел постепенно и сопровождался столкновением геополитических интересов Руси, Орды, Великого княжества Литовского и других сопредельных стран и народов, которые претендовали на владение частью русских земель, или на право сбора с них дани [39].

Как рычаг политического и идеологического давления на оппонентов в борьбе за лидерство в объединении русских земель князья – представители Москвы, Твери, Рязани, Суздаля и прочих удельных

княжеств активно использовали авторитет Константинопольского патриархата. Все эти обстоятельства оказали определяющее влияние не только на интенсивность церковно-политических и дипломатических миссий иерархов русской церкви, отдельных паломнических «хожений», но также на выбор путей, которыми шли послы, купцы, дипломаты из удельной Руси к святым местам Вселенского Православия.

Главными маршрутами «хожений» были реки. Речные трассы считались относительно безопасными, и передвижение по ним обходилось дешевле. Именно по ним, а не по сухопутным неустойчивым дорогам, осуществлялась связь Руси с ближними и дальними странами. Водные пути способствовали установлению международных контактов и были важной предпосылкой для получения и накопления информации о внешнем мире. В частности, для достижения Константинополя, Иерусалима, Афона или Синая путешественниками широко использовался Донской и Волжский путь. Наряду с водными маршрутами существовали сухопутные (они пересекали степь, выводя путешественников к морским берегам) и комбинированные. Многие путешественники, направлявшиеся из Руси к святым местам Востока, выбирали для их достижения маршруты, проходившие по землям Молдавского княжества.

В Новгородской первой и Воскресенской летописях находим упоминания о русских городах конца XIV-XV вв., расположенных в т.ч. в Карпато-Дунайских землях, вошедших к тому времени в состав Молдавского княжества: «А се имена градом рускым далним и ближним. На Дунаи: Видычев град, о седми стенах каменных; Мдин. И об ону страну Дунаа: Тернов. Ту лежит Святаа Пятница. А по Дунаю: Дрествин, Дичин, Килиа. А на усть Дунаа: Новое село, Аколякра. На море: Кариа, Каварна. А на сеи стороне Дунаа, на усть Днестра над морем: Белгород, Черн, Яський торг на Пруте реце, Романов торг на Молдове, Немеч в горах, Корочюнов камен, Сочява, Серет, Бая, Чечон, Коломыя, Городок на Черемоше, на Днестре Хотен» [16, с.240; 23, с.475]. Очевидно, что эти городские торговые центры были хорошо известны русским купцам. Пути, ведущие к ним, являлись относительно безопасными, а потому широко использовались для решения не только экономических, но также политических и церковно-дипломатических задач, о чем красноречиво свидетельствует жизнь и судьба Григория Цамблака, упомянутого ранее.

На пути из удельной Руси к святым местам Вселенского Православия наиболее часто использовался сухопутный путь, ориентированный на Белгород-Днестровский (Аккерман или Монкастро). Одно из самых ранних свидетельств о нем (от 1370 г.) содержится в записках о путешествии настоятеля Богородичного монастыря в Смоленске архимандрита Агрешения из Москвы через Тверь и Смоленск, оттуда в Минск, к Белгороду-Днестровскому и далее в Константинополь, а оттуда – в Александрию, Каир, Дамаск, Иерусалим и Антиохию [36; 2, с.7-8]. «Хождение» не содержит подробных описаний, посещенных путешественником мест, но изобилует точными наблюдениями по сельскому хозяйству и производству в Палестине стеклянных изделий. Агрешений указывает и другую дорогу в Белгород, начинавшуюся от Великого Новгорода (она шла на Великие Луки, оттуда на Витебск, Друцк и Слуцк) [5; 26, с.86-97]. Занимая выгодное географическое положение на северном побережье Черного моря, Белгород представлял собой крупный политико-экономический центр средневековья [15]. Расположенный в устье Днестра, он был важнейшим стратегическим и торговым пунктом, владение которым давало возможность контролировать путь по Днестру до Черного моря. После распада Киевской Руси Белгород вошел в состав Галицко-Волынского княжества и продолжил играть роль важного приграничного форпоста. В середине XIII в. пережил ордынское нашествие и вошел в состав владений хана Ногая, а в конце XIV в., став главным портом Молдавского княжества. В 1484 г. войска султана Баязида и крымского хана Менгли-Гирея после 16-дневной осады овладели городом. С этого времени он получил новое название Аккерман и вошел в состав Османской империи как важнейший стратегический центр. Город имел большое значение не только для русских, но и для итальянских (венецианских и генуэзских) купцов. Об этом свидетельствуют средневековые морские карты XIII – XV вв., так называемые портоланы. Итальянские купцы хорошо освоили путь из Константинополя в Белгород-Днестровский, оттуда в Киев, Смоленск, Москву, затем по Дону, далее по волоку в Волгу, оттуда до Нижнего Новгорода в Сарай Бату (столицу Золотой Орды) и Каспийское море. Торговля через Белгород-Днестровский (крупнейший торговый центр по купле-продаже пушнины, кож, меда, и особенно зерновых культур) активно велась уже с начала XIII в. Венецианцы покупали в Монкастро (тот же Белгород-Днестровский) зерно и перепродавали его в Константинополе. Они пользовались покровительством господаря Молдавии в XIV столетии и смогли добиться привилегий в торговле. После битвы при Анкаре (28 июля 1402 г.) турки заметно усилили контроль над проходом судов по проливам, и поэтому итальянские купцы были вынуждены искать иной сухопутный подход к Черному морю. Он был найден в Монкастро. В 1435 г. венецианцы установили отношения с молдавскими господарями и связь Италии с городами Северного Причерноморья стала осуществляться по трудному пути через Германию, Польшу, минуя турецкие преграды. К Белгороду сходились основные пути Северо-Западной Руси [30, с.39]. В первой половине XV в. между Москвой и Константинополем при посредничестве купцов, которые имели обширные деловые контакты в

Византии, Малой Азии, а также Сурожье и других важных центрах средневекового мира, осуществлялся активный товарообмен, туда часто ездили посольства по великокняжеским и церковным делам. Именно этим путем, через Белгород-Днестровский, воспользовался другой русский путешественник – дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосима, совершивший в 1419-1422 гг. путешествие из Москвы через Киев по Днестру в Белгород-Днестровский, оттуда в Константинополь, на Афон и в Палестину. Впервые же он посетил Константинополь в 1411-1414 гг. в составе свиты, сопровождавшей дочь великого князя Василия Дмитриевича Анну (внучку Дмитрия Донского), выданную замуж за царевича Ивана Мануиловича, сына императора Мануила Палеолога - будущего византийского императора Иоанна V. На этот раз основная причина путешествия Зосимы определялась не государственными задачами, а стремлением посетить памятные для христиан места: «возмыслихся и хотех святая места видети, идеже Христос своима стопама ходил и святи апостоли последоваху ему» [13, с.120].

Однако имеющиеся данные о времени и обстоятельствах этой поездки позволили выстроить и другую версию. Исследователи обратили внимание на то, что время путешествия Зосимы совпадает с подготовкой в Троице-Сергиевом монастыре канонизации Сергия Радонежского, древнейшая редакция жития которого была написана учеником святого Епифанием Премудрым в 1417-1418 гг., т.е. как раз накануне поездки Зосимы. Обретение мощей святого Сергия Радонежского пришлось на 5 июля 1422 г.; к этому сроку Зосима, отбывший из Византийской столицы в мае 1422 г. (до начала осады города турками) и, возможно, имевший полномочия обратиться за разрешением на канонизацию к вышестоящим церковным властям, уже смог добраться до Троице-Сергиева монастыря. Таким образом, если высказанные предположения верны, миссия Зосимы вполне могла носить официальный характер и служить одним из примеров дипломатических связей русской церкви с Константинополем в начале XV столетия. [38, с.52-54]. Путевые записки Зосимы - это последнее в русской литературе описание Константинополя как столицы Византии перед её падением от ударов турок в 1453 г. Помимо сведений о маршрутах движения, хождение включает метрологические данные, информацию о скорости и сроках передвижения, транспортных средствах и подробно описывает обратный маршрут следования. Выйдя из Троице-Сергиева монастыря, Зосима направился к Киеву. Оттуда со своими спутниками-купцами он пошел на юго-запад и достиг Южного Буга, у г. Браславля (Переяславля), расположенного в Подолии: «Поидох отъ Киева съ купци и велможами великими и идох тридцать миль, а миля по пяти верст и обретох реку велику въ Подолской земли, еже зовется Буг. И ту стояще град Бреславль, и ту стояхом неделю. И поидохом въ поле татарское и идохом пятьдесят миль дорогою татарское, еже зовется: на Велики Дол, и обретохом реку велику под Митиревыми Кишинами, еже зовется Нестр (Днестр)» [13, с.121]. От Браславля путешественники вступили в степи татар Белгородской орды и шли по т.н. татарской дороге. Ранее золотоордынцы господствовали на территориях между Южным Бугом и Прутом. Ко времени путешествия Зосимы они были отсюда вытеснены, но проложенные ими маршруты продолжали использоваться. Пройдя этот отрезок пути, путники вышли к Днестру, где были перевоз через реку и литовская граница с Волохами [21, с.128-133; 25, с.29, 55]. Зосима пишет, что «оттоле три дни до Бела города ити по Волоской стране; и пребыхом въ Беле городе две недели. Оттуду девять верст до моря». Пройдя от Белгорода 9 верст, они спустились в устье Днестра, «где столп стоит, еже зовется Фонарь, и ту бяше пристань корабленая» [13, с.121]. Здесь сели на корабли и через три недели прибыли в Царьград. Этот же путь (через Белгород - Днестровский к Константинополю) в 1461-1462 гг., совершая путешествие из Киева в Царьград, Иерусалим, Палестину, а также Египет (г.Каир) и Синай, предпочел в ходе своего хождения священноинок Варсонофий – игумен Бельчицкого монастыря в пригороде Полоцка: «И поидох от богоспасаемого града Киева в землю Волоскую, зовемо Малодатская земля» [13, с.162]. Молдавское княжество, о котором упоминает Варсонофий, в XV в. занимало обширную территорию, включая в себя собственно Молдавию, Бессарабию и Буковину. Благодаря общим условиям политического и экономического характера, своему географическому положению, природному и экономическому потенциалу, эти земли активно пользовались сетью торговых путей. В XIV – XV вв. они осуществляли прямые и косвенные торговые контакты с Австрийским герцогством, Германией и Венецией, поддерживаемые чаще всего через Венгрию. В Молдавское княжество ввозились сукно и бархат из Кельна, Ипра, Лувена, литовское полотно и оружие из Львова, металлические изделия и ткани из Трансильвании, соль и медь из Валахии, а также иные ремесленные изделия из других стран. В районе устья Дуная и Черного моря были налажены контакты с генуэзцами. Крупными центрами торговли Молдавского княжества наряду с Аккерманом и Килией были также города Сучава и Яссы. Оттуда открывался доступ к международным торговым маршрутам, выводящим караваны купцов и путешественников на рынки Константинополя, Малой Азии, Ближнего Востока и другие районы мира, в т.ч. к святым местам Иерусалима, Палестины, Синай. Все это способствовало усилению позиций Молдавского княжества в указанное столетие. На пути Варсонофия встретилась р. Молдава (приток р. Серет, в устье которой располагался г. Романов торг), которая «течет от Угорския (Венгерской) земли в реку Серет под Романовым торгом». Далее путь Варсонофия шел через Белгород-Днестровский и Царьград, а оттуда в другие восточные страны. Таковы сведения

о сухопутном маршруте через молдавские земли к Белгороду. Они не только подтверждают интенсивность использования этого пути в XIV – XV вв. для достижения Святой земли, но и свидетельствуют о добрососедских отношениях, взаимном интересе друг к другу, тесных торговых, дипломатических, церковных и культурных связях русских земель с Молдавией. Также они позволяют судить о хорошем знании русскими путешественниками приграничного района Днестровско-Прутского междуречья, что является прекрасным подтверждением многообразия международных связей средневековой Руси.

Список литературы

1. Абызова Е.Н., Брыня П.П., Нудельман А.А. Древности старого Орхья. Золотоордынский период. Кишинев, 1981. С. 89.
2. Агреевич //Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып.2. (Вторая половина XIV- XVI в.) Ч. I. Л., 1988. С.7-8.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России (1340-1506) /Под ред. И.Григоровича. СПб., 1846, т. 1, №№ 24, 25.
4. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С.146.
5. Горожанский Я.И. Хождение архимандрита Грешения в Святую землю //Русский филологический вестник. СПб., 1884. № 4; 1885. №1.
6. Dobrescu N. Întemeierea Mitropoliilor și a celor dintâi mănăstiri din Țară. Bucur., 1906. P. 35-56.
7. Житинев С.Ю. История русского православного паломничества в X- XVII вв. М., 2007.
8. История внешней политики России. Конец XV – XVII вв. /Под ред. А.Н.Сахарова и др. М., 1999. С. 103-110.
9. История средних веков /Под ред. Н.Ф. Колесниченко. М., 1986. С.315-320.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1992. Т. IV.С.174.
11. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т.1.С. 330-347.
12. Кишка Л. Связи Галицкой Руси и земли Молдавской в XIV – XV вв. //Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2008. № 1-2 (11-12). С. 213-218.
13. Книга хождений: Записки русских путешественников XI – XV вв. / Сост, подг. текста и примеч. Н.И.Прокофьева. М., 1984. С. 120-121; 162.
14. Костакэл В.А. Русско-украинско-молдавские исторические связи XIV – XV вв. //Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвящ. Л.В.Черепнину. М., 1972. С.276-281.
15. Кравченко А.А. Средневековый Белгород. М., 1987.
16. Летопись по Воскресенскому списку //Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. VII. С.240.
17. Малет Е.И. Антология хождений русских путешественников XII – XV: исследование, тексты, комментарии. М., 2005.
18. Malowist M. Eastern Europe in the Latter Middle Ages //The Cambridge economic history of Europe. Cambridge, 1987. Vol.2, P.334, 526-527, 586-587.
19. Marinescu C. Înfiițarea Mitropoliilor din Țara Românească și Moldova // Analele Acad. Rom. Memoriile Secțiunii Istorice. 1924. Т. 2. P. 247-269.
20. Молдавия // Католическая энциклопедия. Т.3. М., 2007. С.516-520.
21. Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1960. С. 128 – 133.
22. Никоновская летопись //ПСРЛ. СПб., 1897, т. XI, с. 235.
23. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.;Л., 1950. С.475.
24. Параска П.Ф. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства //Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.С.175-190.
25. Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII – XV вв. Кишинев. 1982. С. 29, 55.
26. Попов Г.В. Древнейший русский проскинитарий //Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С.86-97.
27. Руссев Н. Житие Иоанна Нового и жизнь Григория Цамблака в связи с формированием российского идейно-политического пространства //Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2007. №92 (8). С. 12.
28. Сахаров А.Н. Россия. Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 91-92.
29. Семенова Л.Е. Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV- первая треть XVI в.) /Отв. ред. Литаврин Г.Г. М., 1994; Она же. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – нач. XIX в.: Очерки внешнеполитической истории. М., «Индрик», 2006.
30. Скржинская Е.Ч. История Таны XIV – XV вв. //Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 39.

31. Цит. по: Становление митрополии Молдовы //Энциклопедия Молдовы от “А до Я”. Режим доступа к электронному ресурсу: www.moldovenii.md.
32. Стати В. Штефан Великий, Господарь Молдовы. Кишинев., 2004.
33. Он же. История Молдовы. Кишинев., 2002. С. 60; 10.
34. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев., 2004. С.9-10.
35. Он же. Молдавская Русь. К 650-летию образования Молдавской государственности //Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев].2010. № 2(20) С.10-18.
36. Хождение архимандрита Грефения 1370 г. /Под ред. архим. Леонида //Православный Палестинский сборник. СПб., 1896. Т.48. Вып.3.
37. Царанов В. Молдавское государство //Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев].2009, № 2(16). С.7-10.
38. Ченцова В.Г. О причинах путешествия русского паломника XV в. Зосимы на Христианский Восток //Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества: Тез. докл. конф. (Москва, 23-25 июня). М., 1997. С.52-54.
39. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства XIV – XV вв. М., 1960.
40. Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 33- 118.

ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

СЕКЦИЯ №7.

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

РОЛЬ МОРДОВСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОЦЕНКАХ ИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ (ПО ДАННЫМ ОПРОСА 2014 Г.)

Абрамова О.В.

ФБГОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва», г.Саранск

В конце XX века в связи с ростом этнического самосознания народов России стали возникать разнообразные формы национального движения, которые наряду с чисто политическими целями, пытались решить задачи сохранения народами языка, культуры и самобытности.

В конце 1980-х гг., происходило формирование мордовских национальных общественных организаций таких, как «Вельмема», «Вайгель» и «Масторава». Их деятельность начиналась с этнокультурных требований, постепенно они трансформировались в политические, что приводило либо к прекращению их деятельности, либо к расколу и образованию новых форм национального движения. Тем не менее, эти организации сделали немало для возрождения мордовского народа. Одним из основных результатов их работы стали съезды мордовского народа, которые получили возможность политического влияния на развитие Мордовии.

Благодаря активной деятельности данных организаций и съездов, были открыты Национальный театр, факультет национальной культуры, приняты Законы «О государственных языках Мордовии» и «Об образовании в Республике Мордовия», обязывающие органы государственной власти Республики Мордовия обеспечить на территории республики создание системы образовательных учреждений с обучением на родном языке и т.д. На сегодняшний день в Мордовии и в местах компактного расселения представителей мордовского этноса действуют такие организации, как: «Межрегиональная общественная организация мордовского (мокша, эрзя) народа», «Литова», «Юрхтава», национально-культурные автономии и др.

За прошедшие годы руководители и активисты этих организаций приобрели дополнительный опыт работы среди мордовского населения, взаимодействия с органами власти, другими общественными организациями, в т.ч., представляющими различные этносы, что в свою очередь сказалось на корректировке их взглядов по ряду социальных и культурных проблем.

В связи с этим, интересно распределение ответов на вопрос о роли мордовских национальных общественных организаций, заданного их руководителям и активистам, в рамках Российско-Финляндского

проекта 2013-2016 гг. «Роль общественных организаций в сохранении языков и культур финно-угорских народов» [3, с. 7]. Так отвечая на данный вопрос, мордовские респонденты дали следующие оценки: на первое место была поставлена роль подобных организаций как площадок для общения людей и помощников государственным органам в реализации их деятельности. За эти пункты «в основном и полностью» высказались, соответственно 60% и 50% опрошенных людей.

Это говорит о том, что работа большинства мордовских национальных организаций в общем, соответствует их назначению и носит конструктивный характер. Также совершенно не вызвали возражений направления работы общественных организаций по развитию демократии, в предоставлении возможностей гражданам влиять на общество и вносить новые темы в публичные дискуссии. Наибольший разброс мнений вызвал пункт о роли общественных организаций в противодействии и критике государства. При этом 37,5% респондентов затруднились ответить на данный вопрос [4, с. 67].

На основании полученных ответов можно сделать вывод, что руководители и активисты мордовских национальных общественных организаций видят их роль, прежде всего, в общении единомышленников, предлагающих обществу новые идеи, и помощи государству. Важное место в работе своих организаций они уделяют также защите гражданских прав, и в целом весьма высоко оценивают их значимость.

Интересно, что при опросе 2005 г. более половины мордовских респондентов (55%) заявили, что защита гражданских и национальных прав в большей мере зависит именно от властей региона [2, с. 21].

При подобном же опросе 2007 г. только около 15%, полагали, что роль мордовских общественных организаций в жизни республики очень заметна, а остальные находили её мало заметной или вообще незаметной [1, с. 48].

Сравнение полученных результатов свидетельствует о возрастающей роли мордовских национальных организаций в общественной жизни республики по оценкам их руководителей.

Список литературы

1. Абрамов В.К., Абрамова О.В. Результаты анкетирования (в сентябре-октябре 2007 г.). Республика Мордовия // Проблемы новейшей истории и этнографии финно-угров России: Материалы 2-х Балашовских чтений. Саранск, 2008. С. 44–53.
2. Абрамов В.К., Абрамова О.В. Результаты анкетирования в Мордовии (декабрь 2005-январь 2006 г.) // Проблемы новейшей истории и этнографии финно-угров России: Материалы 2-х Балашовских чтений. Саранск, 2008. С. 18–29.
3. Абрамов В.К., Абрамова О.В. Социально-экономическая характеристика руководителей мордовских общественных организаций // Personality, Society, State, Law: Problems of Correlation and Interaction (Materialis of the IV international scientific conference on October 15–16, 2015). Prague, 2015. P. 7–9.
4. Абрамова О.В. Мордовские национальные общественные организации в вопросах и ответах // Финно-угорский мир. Саранск, 2015. № 3. С. 64 – 68.

ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рыбаков А.В.

Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), г.Москва

Термин «мультикультурализм» имеет много значений и используется для определения достаточно широкого круга явлений. Мультикультурализм понимают как некую научную концепцию, теоретический конструкт; как специфический дискурс относительно культурных различий и отношение к ним; как реальную

ситуацию в обществе с неоднородной по своему составу этнонациональной структурой; как политику интеграции меньшинств в социум и стратегию управления межэтническим, межкультурным взаимодействием.

Сущность идеи мультикультурализма можно определить формулой: единство при разнообразии. Речь идет о гармоничном взаимодействии носителей разных культур в рамках единого политико-территориального сообщества - нации-государства. И хотя под определение «культурно отличные группы» подпадают и лица с нетрадиционным типом сексуальной ориентации, и инвалиды и представители нетрадиционных религий и т.д., имеются в виду, прежде всего, представители этнических меньшинств, особенно из числа иммигрантов. Именно попытка более успешно интегрировать их в общество, избегая принудительной ассимиляции, и обусловила разработку концепции мультикультурного общества, которое базируется не на гегемонии одной культуры, а стремится обеспечить равноправное существование различных культур и равное участие носителей этих культур в общественной жизни.

В начале 60-х г. XX в. феномен мультикультурализма оформляется концептуально. Теоретически мультикультурализм разнообразен, существует целый ряд подходов к трактовке этого концепта. Впрочем, можно определить и универсальные черты мультикультурализма, независимо от того, в каком обществе он внедряется:

1. Основной ценностью мультикультурализма признается культурный плюрализм и признание, того, что нация является скорее «культурной мозаикой», чем «плавильным котлом»;

2. Мультикультурализм является выражением социальной справедливости, культурной демократии и равенства;

3. Мультикультурализм помогает приобретать знания и навыки необходимые для жизни в демократическом, плюралистическом обществе;

4. Мультикультурализм отражает не только расу, класс, гендер или этничность, а включает в себя разнообразие в религиозном, национальном, сексуальном плане и т. п.

Теоретическую основу мультикультурализма составляют следующие концепции: «политика разнообразия» (А. Янг), «политика признания» (Ч. Тейлор), либерально-эгалитаристский мультикультурализм (У. Кимлика), диалогический мультикультурализм (Б. Парекх), либертарианский мультикультурализм (Ч. Кукатас) и др.

А. Янг предлагает «политику разнообразия». Это справедливая политика, ориентирующаяся на разнообразие, поддержку различных культурных групп. Государственная политика должна быть направлена на формирование и соблюдение ценностей, которые необходимы культурным меньшинствам для достижения гармоничной жизни. Культурные группы страдают от несправедливости из-за сложившихся в среде национального большинства стереотипов. По мнению А. Янг, подчас осуществляется подавление инокультурных групп во всех сферах общественной жизни. Исследователь выделяет пять способов такого подавления:

1. Эксплуатация - использование результатов труда одной культурной группы для удовлетворения потребностей другой

2. Маргинализация - исключение целой категории людей из трудовой сферы, что ведет к социальной изоляции.

3. Бессилие - отсутствие возможности некоторых групп участвовать в принятии решений, затрагивающих их жизнь.

4. Культурный империализм - универсализация опыта доминирующей группы, ее культуры стереотипов, ценностей, представлений.

5. Насилие - систематическое насилие, направленное на членов социальной группы, просто потому, что они являются членами этой социальной группы [5, р. 96].

Ч. Тейлор критикует политику либерализма, за то, что она не способна обеспечить сосуществование различных культурных групп, поэтому предлагает изменить ее на «политику признания». Эта политика должна быть основана на уважении. По словам Тейлора, уважение это не то, что можно требовать от людей или предоставить, как право «если ценностное суждение является чем-то независимым от нашей воли и желания, оно не может быть просто продиктовано принципами этики. Мы или находим что-то важное (ценностное) в культуре, или нет» [4].

Исследователь рассматривает вопрос о сложности унификации языка и экономики, ведь каждая культура имеет собственный язык и исторически сложившуюся модель экономики. И если экономическая сфера на данном этапе развития общества базируется в большинстве государств на одинаковых принципах, то язык является одним из важнейших показателей культурной принадлежности (культурная группа не откажется от своего языка).

Либерально-эгалитаристский мультикультурализм, основателем которого является У. Кимлика, основан на либеральных ценностях, таких как свобода и равенство. По его мнению, сохранение собственной культуры для индивида является важным по двум причинам. Во-первых, она придает индивидуальность и автономию. Каждая

культура на протяжении своего существования формирует особый и неповторимый менталитет, стиль поведения и набор традиций. Именно с помощью этого индивид может сформировать свою личность и построить свою жизнь. Во-вторых, культура важна для собственного самоуважения. В. Кимлика утверждает, что существует сильная взаимосвязь между самоуважением личности и уважением к культурной группе, к которой она принадлежит [1, р. 92]. Проблема в том, что личность не является просто частью определенной культурной группы, на ее принципах, традициях и верованиях она формирует собственные представления о мире и жизни, от которых она в принципе не в состоянии отказаться.

Если государство уравнивает в правах всех представителей культурных меньшинств с представителями культуры большинства, запретит дискриминацию, этого недостаточно. Язык, как основной показатель культурной принадлежности не может быть унифицирован, в стране всегда преобладает речь культурного большинства. Кроме языка преобладает и религия большинства, на основе которой власть принимает непопулярные для национальных меньшинств решения.

У. Кимлика предлагает предоставить культурным меньшинствам автономию для развития и поддержания собственной культуры. Касается это только представителей культурных меньшинств, родившихся на чужбине и не имевших возможности выбора. Подобное не относится к иммигрантам, которые по собственному желанию покинули родину.

Диалогический мультикультурализм Б. Парекха предусматривает формирование единых моральных ценностей, которые возникают на основе всех культур, представленных в государстве, а также объединение их на основе общего образа жизни. Данные принципы и представления должны быть проанализированы властями и зафиксированы в конституции соответствующего государства. Это культурное «смешение» - частично; по мнению ученого, должно оставаться свободное пространство, в котором каждая культура параллельно с другими может развиваться. Государство не должно вмешиваться в межкультурное взаимодействие, его целью является обеспечить для каждой культуры в этом диалоге равные условия и возможности. В ситуациях, когда возникают недоразумения между культурными сообществами и государственными институтами, Б. Парекх выступает за «консенсус через межкультурное обсуждение» [3, р.77]. Это - диалог между различными культурными группами. Он выражает уважение к мнению культурных меньшинств, привлекает людей к принятию политических решений. Итак, в основе диалогического мультикультурализма лежит консенсус, достижение которого позволит достичь общественное согласие между всеми культурными группами, существующими в государстве.

Основатель либертарианского мультикультурализма - Ч. Кукатас - утверждал, что во взаимоотношениях между группами национальных меньшинств государство должно играть роль арбитра. Оно не может законодательно устанавливать особые права национальных меньшинств, так как это приводит к формированию негативных стимулов. Под ними он подразумевает попытки лиц получить преимущества от членства в группе (например, субсидии или государственные рабочие места) [2]. Основу его интерпретации мультикультурализма составляет предоставление автономных прав для всех групп национальных меньшинств. Невмешательство государства в дела национальных меньшинств позволяет им организовать свою культурную и общественную жизнь. На основе этого исследователь выводит свою модель «либерального архипелага», когда большое количество национальных групп объединены как «острова архипелага» в рамках одного государства. Человек в подобном объединении имеет особое право свободно переходить из одной группы в другую.

Ученые определяют мультикультурализм по-разному. Например, для А. Янг - это признание различных культурных групп и обязанность государства принимать законы, которые бы удовлетворяли их потребности; для У. Кимлика - возможность автономного существования культурных групп, но только тех, которые состоят из лиц, относящихся к другой культуре и родились на территории этого государства; Б. Парекх трактует мультикультурализм как сосуществование в едином политическом обществе нескольких заметных культурных групп, которые хотят и, в принципе, способны воспроизводить свою специфическую идентичность. Так или иначе, все они в своих концепциях склоняются к культурному плюрализму как к неотъемлемой части современного общества.

В итоге, мы можем утверждать, что мультикультурализм - это концепция и построенная на ее основе государственная политика, направленная на признание, развитие и сохранение культурного разнообразия. В каждом государстве, свой вариант мультикультурализма, где основные аспекты (толерантность и т.п.) сохраняются, а остальные определяются состоянием общества и способностью культурных групп жить и взаимодействовать между собой.

Список литературы

1. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. - 296 pp.
2. Kukathas Ch. The Liberal Archipelago: a theory of diversity and Liberal vision [Electronic resource] / Ch. Kukathas // Oxford Scholarship Online. - 2003. - Access mode: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/019925754X.001.0001/acprof-9780199257546>
3. Parekh B.C. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.
4. Taylor Ch. The Politics of Recognition [Electronic resource] / Ch. Taylor. - 1992. – Access mode: http://elplandehiram.org/documentos/JoustingNYC/Politics_of_Recognition.pdf
5. Young I. Justice and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 1990. - 304 pp.

СЕКЦИЯ №9. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ - ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Жуков А.Н.

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации Волгоградский филиал», г.Волгоград

Одной из форм самоорганизации граждан как института гражданского общества являются общественные объединения и некоммерческие организации. Придание им правовой формы особенно благоприятствует эффективному взаимодействию с органами местного самоуправления.

Согласно Федеральному закону от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» некоммерческой является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками [1].

Некоммерческие организации согласно законодательству могут создаваться для целей, направленных на достижение общественных благ, а именно для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи.

Согласно сведениям Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Волгоградской области в ведомственном реестре некоммерческих организаций по состоянию на 09.03.2016 зарегистрировано 2420 организаций, в том числе на территории Волгограда 1509 организаций. Из них общественных организаций - 739, некоммерческих партнерств – 44, автономных некоммерческих организаций – 28, некоммерческих фондов – 36, общественных фондов – 39, общественных движений – 22, территориальных общественных самоуправлений – 49, казачьих обществ – 12. Количество зарегистрированных на территории Волгограда некоммерческих организаций и общественных объединений по сравнению с прошедшими годами постоянно увеличивается. С 2014 года их количество увеличилось на 296 организаций.

Приоритетным направлениям деятельности значительной части некоммерческих организаций от общего количества является социальная направленность. Основными вопросами, решением которых занимаются данные организации являются вопросы просвещения, образования, формирования и пропаганды здорового образа жизни, организации досуга, защиты прав и интересов детей, подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Некоммерческие организации и общественные объединения как институт гражданского общества должны отвечать критериям «структурно-операционного» подхода к определению некоммерческого сектора, а именно:

1. Наличие институционально закреплённой структуры, т.е. организация, имеющая юридический статус.
2. Не преследовать цель получения прибыли, распределять её на реализацию уставных целей, а не на выплаты учредителям.

3. Быть организационно независимыми ни от одного сектора экономики и органов государственной и муниципальной власти, за счет множественности источников финансирования.

4. Являться самоуправляющимися.

5. Образовываться на основе добровольности, в том числе широкого использования волонтерского труда.

Важно отметить, что применяя данный подход к определению некоммерческого сектора, как сегмента гражданского общества, к некоммерческим организациям и общественным объединениям не относятся учреждения, созданные органами государственной власти и местного самоуправления.

Однако при наличии большого количества некоммерческих организаций, действующих на территории Волгограда, существуют проблемы эффективности их работы, включенности в решение социально значимых для города вопросов, ведения реальной деятельности, предусмотренную их уставами, взаимодействия с органами местного самоуправления. Это приводит к искажению представления о потенциале некоммерческого сектора, его способностях решать социально-значимые задачи.

Проблемными сферами развития некоммерческого сектора в Волгограде являются:

- низкая активность социально ориентированных некоммерческих организаций (по данным 2013 года из 1213 некоммерческих организаций лишь 163 принимали участие в конкурсах социальных проектов), вследствие отсутствия четко выстроенной, скоординированной системы взаимодействия органов местного самоуправления и общественности; недостаточного использования потенциала некоммерческих в решении проблем местного значения; отсутствие мероприятий по содействию развитию институтов гражданского общества в городе;

- недостаточная компетентность работников некоммерческих организаций в сфере правового сопровождения деятельности, отсутствие опыта в поиске и оформлении документов для получения субсидий и грантов (в 2013 году только 42 некоммерческие организации получили финансовую поддержку из бюджета).

С целью эффективного взаимодействия социально ориентированных некоммерческих организаций с органами местного самоуправления ведется активная работа. В Волгограде приняты и действуют ряд нормативных правовых актов, которые устанавливают порядок предоставления на конкурсной основе поддержки некоммерческим организациям в соответствии с направлениями деятельности:

Постановление администрации Волгограда от 28.06.2013 № 1129 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета Волгограда социально ориентированным общественным объединениям»;

Ведомственная целевая программа «Развитие и поддержка деятельности талантливой и одаренной молодежи в городском округе город-герой Волгоград» на 2014-2015 г.г.;

Решение Волгоградской городской Думы от 06.10.2010 № 37/1130 «Об утверждении Порядка формирования и ведения перечня объектов муниципального недвижимого имущества Волгограда для передачи в пользование по целевому назначению социально ориентированным некоммерческим организациям».

Комитетом общественных связей и массовых мероприятий администрации Волгограда разработан проект муниципальной программы «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Волгограде» на 2015 - 2018 годы. Объем бюджетных ассигнований на реализацию программы составляет 14 447,5 тыс. рублей из средств бюджета городского округа – город - герой Волгоград.

Данная программа позволит решить ряд существенных проблем, а именно:

- оказание муниципальной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность на территории Волгограда в виде имущественной, консультационной, финансовой и информационной формах;

- повышение профессионального уровня и правовой грамотности руководителей и сотрудников социально ориентированных некоммерческих организаций, путем проведения обучающих семинаров, курсов, круглых столов, что позволит профессионально оказывать помощь социально незащищенным категориям граждан и оформлять документы для участия в конкурсах и грантах.

Выполнение планируемых мероприятий муниципальной программы позволит к 2018 году:

- увеличить охват участников мероприятиями, проводимыми социально ориентированными некоммерческими организациями;

- увеличить количество организаций, включенных в городской реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, пользующихся муниципальной поддержкой;

- увеличить количество жителей, принявших участие в городских мероприятиях, организованных общественными объединениями, получившими субсидии на осуществление на территории Волгограда деятельности по реализации вопросов местного значения, на финансирование расходов, связанных с реализацией общегородских общественно значимых мероприятий и тематических конкурсов;

- увеличить количество мероприятий, направленных на повышение уровня знаний руководителей и работников социально ориентированных некоммерческих организаций.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ (ред. от 09.03.2016) «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_8824/ (дата обращения 18.03.2016).

МЕТОДЫ И ПРИЁМЫ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Хуртова Р.И.

Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского, г.Саратов

На сегодняшний день специалистами разработано значительное число манипулятивных методов воздействия на общественное сознание: подтасовка фактов, ложь, клевета, искажение объективных данных, сокрытие и замалчивание невыгодной информации и др. Выделим основные методы манипуляции.

Метод «ограниченного совпадения точек зрения», заключающийся в том, что точка зрения, которой придерживается общество, опровергается не сразу, а поэтапно. То есть трансформируется до нужной манипулятором степени путем постепенного ее изменения [4, с. 34-35].

Также существует метод отвлечения, заключающийся в том, чтобы отвлечь внимание аудитории от важной, но нежелательной для манипулятора информации. Происходит это с помощью другой яркой информации, которая отвлечет внимание общественности, а предыдущая информация, при этом будет быстро забыта как малозначительная.

Суть метода семантического манипулирования заключается в освещении того или иного события, процесса, ситуации, с помощью набора слов, с которыми у массовой аудитории связаны либо позитивные, либо негативные ассоциации. Это непосредственным образом влияет на восприятие информации, транслируемой СМИ.

К методам манипуляции относится и такой известный метод, как дозирование информации, или метод изоляции, — ограничение доступного объекту манипуляции объема информации. Объекту манипуляции сообщается только часть информации, а остальные сведения скрываются. Так как человеку для составления объективного мнения необходим достаточный объем разнообразной информации, в результате восприятие реальности существенно искажается [3, с. 244-246].

Выделим метод, широко применяющийся в рамках политических кампаний, управляемое искажение фактов в СМИ. Очень часто средства массовой информации «интерпретируют» факты таким образом, что их восприятие целевыми группами становится, прогнозируемо удобным для заказчика подобного рода «интерпретации».

К основным методам манипуляции можно отнести метод перефокусировки внимания. Для отвлечения внимания от нежелательных и проблемных событий создаются информационные яркие поводы, с помощью которых манипулятор отвлекает объект манипуляции и переключает его внимание на иные малозначительные и безопасные события.

Также существует большое количество приемов лингвистического, языкового манипулирования, предполагающих использование для обозначения одних и тех же явлений эвфемизмов — слов-прикрытий. Так, например, человека, ведущего вооруженную борьбу за создание самостоятельного национального государства, СМИ в зависимости от политических пристрастий называют его борцом за свободу, сепаратистом или боевиком [2, с. 19-20].

Один из широко распространенных и внешне безобидных манипуляционных приемов является «спираль умолчания». Суть его состоит в том, чтобы с помощью ссылок на сфальсифицированные опросы общественного мнения убедить граждан в поддержке выгодной манипуляторам политической позиции. Это заставляет людей, придерживающихся иных взглядов, из опасения оказаться в социально-психологической изоляции или каких-то санкций умалчивать о своем мнении или изменять его. На фоне умолчания о позиции оппонентов голос настоящего или мнимого большинства становится еще громче, и это еще сильнее вынуждает несогласных или колеблющихся к принятию «общепринятого» мнения или к глубокому утаиванию своих убеждений. В результате «спираль умолчания» закручивается еще круче, обеспечивая победу манипуляторам [1, с. 32-33].

С целью принятия и одобрения людьми какого-либо понятия используется прием «сияющего обобщения», то есть обозначения конкретной вещи, идеи, личности обобщающим родовым именем, которое имеет положительную эмоциональную окраску.

Несмотря на все многообразие существующих манипулятивных приемов, все они направлены на создание у представителей целевых групп определенного отношения к субъектам политической кампании.

Манипулятивные возможности средств массовой информации как источника, крайне велики, поскольку они не просто освещают общественно значимые социально-политические события, но и оказывают влияние на общественное мнение. Вот почему при проведении политических кампаний крайне важно установить контроль над информационным пространством и попытаться заблокировать манипулятивное воздействие политических оппонентов через СМИ.

Список литературы

1. Богданов А.В. Взаимодействие власти, общества и бизнеса как фактор социально-политического развития // Политико-правовые технологии взаимодействия власти, общества и бизнеса в регионах: Материалы междунар. науч.-практ. конференции. - Саратов: Изд. «Саратовский источник», 2010. - С. 31-35.
2. Кузнецова Н.А. Управление политической информацией и манипуляция общественным сознанием // Власть. 2011. № 11. С. 19-21.
3. Новикова О.В. К вопросу о манипулировании общественным сознанием в современной России // В сборнике: Язык. Право. Общество. II Международная научно-практическая конференция. Под редакцией О.В. Барабаш, Т. В. Дубровской, Г. И. Канакиной. Пенза. 2014. С. 243-249.
4. Царихин В.А. Методы манипуляции в средствах массовой информации в период избирательной кампании // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 31-35.

СЕКЦИЯ №10.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В КУЛЬТУРНОМ ЯДРЕ РОССИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

Князева С.Е.

Российский государственный гуманитарный университет, г.Москва

Касаясь проблем, связанных с выявлением имагологических аспектов национальной идентичности, представляется важным выяснить, почему самопозиционирование Русского мира выражено в данных конкретных знаках, образах, репрезентациях и почему одни аспекты восприятия россиянами внешнего мира выходят на первый план, а другие остаются за кадром. В рамках социокультурного подхода к международным отношениям интересно выявить и обратную связь: каким образом отношение внешнего мира – других - к нашей стране оказывает влияние на самопозиционирование её народа и власти.

В контексте такого актуального направления в изучении мировой политики, как империология, важно выявить корни имперских амбиций значительной части российского общества. Такой угол зрения позволит понять, по какой причине глазомер россиянина заточен на державность и на имперство и заложена ли данная сумма признаков в основе культурного ядра, в матрице программы российской идентичности.

Изложим суммарно заложенную в исторической и культурной памяти европейских государств систему ценностей. Европейцы в той или иной мере восприняли афинскую философию, римское право, наследие Коммун, процветавших благодаря регулярному труду. Города Европы, в силу небольшой удаленности от мирового океана, оказались информационными мостами между Западом и Востоком – центрами знания, труда, образования. А Россия находилась за скобками европейской философии, логики, римского права. Удаленность от Мирового океана, многовековая изоляция от европейских научных достижений, от теорий и практик власти, права не прошла бесследно. Власть, начиная с Киевской Руси, была прочной, если её возглавлял жёсткий правитель, владетель вОТЧины – явление, ставшее ключевым для понимания российской истории. Этому благоприятствовали: непредсказуемый и суровый климат, скудные почвы, отсутствие естественных преград, защищающих от арктических ветров, непроходимые чащи и бездорожье, безбрежные просторы и зыбкость

границ, а также изоляция от Европы, Дальнего Востока – и привычка жить в изоляции. После сближения с Византией Русь отзеркалила сходные черты авторитарной власти этой страны [9, 384-385].

Владими́ро-Суздальский князь Андрей Боголюбский (ок.1111-1174гг.) одной своей властной прихотью изменил порядок старшинства на Руси и сделал Суздаль личным неотъемлемым владением [8, URL, 17, URL].

Вследствие зыбкости границ власть и подданные были нацелены на отражение (и на отслеживание) врага, что определило длительное чувство незащищенности россиян, живущих на открытых территориях в соседстве со свирепыми кочевниками, а по мере налаживания контактов с экономически более развитым Западом к этому прибавился страх перед более компетентным, организованным и рационально развивающимся социумом [7, URL; 13, URL].

300-летнее татаро-монгольское иго укрепило бездонное долготерпение в матрице российской идентичности, пиетет россиян перед грозной, пусть даже незаконной, властью, перед самодурством чиновника. Следствием этого стало 300-летнее (без малого) рабство более половины населения. Крепостное право привело к укоренению апатии и сервиллизма: рабство развращает рабовладельца, а ещё в большей мере – раба [9, 384].

Но главным наследием ига стало то, что в российской модели власти были воспроизведены черты азиатской кочевой модели, и «включились» механизмы вождества. Этот термин принадлежит известному аналитику Дмитрию Орешкину, по мнению которого монгольское кочевое вождество есть ранняя форма государственности, замыкающаяся у кочевых групп «на одного человека, у которого есть харизма, который объединяет группы кочевых народностей для одной великой цели, которая, как правило, связана с грабежом соседей» [12, URL]. Разовьём эту мысль: вождество – оптимальная модель власти для управления населением на огромных пространствах с зыбкими неопределёнными (не естественными) границами, заострённая на постоянную оборону, конфронтации с соседями в целях сохранения и расширения жизненного пространства, а также на удержание подданных в повиновении. Механизмы вождества получили развитие в правление Ивана Грозного, в периоды господства Временщиков, в сталинском СССР.

Другая сторона медали (которую не в силах понять западный человек), - это преклонение россиянина перед жёсткой властью, точнее, государством-властью (в ряде случаев даже её обожествление!) при условии, что она снисходит – или делает вид, что снисходит – до нужд простого народа. При этом для народа принципиально важным становится отнюдь не его собственное благополучие (Потерпим! И не такое терпели!), а идеализированное понятие о преданности государству-власти, олицетворенному в правителе и слившемся с ним. Так в исторической и культурной памяти россиян закрепилась особая традиция отношений власти и народа: чем грознее (и даже несправеднее) государство-власть, чем выше планка его самопозиционирования в Европе и мире как государства, готового применить силу по отношению к соседям и тем заставить себя уважать, - тем выше планка и собственного величия в глазах россиян. Показательно, что собственное благосостояние людей никак не влияет на их представления о сильной, сплоченной и уважаемой в мире стране. Более того, с определенного момента россияне стали испытывать чувство гордости за свою способность выживать, преодолевать бедствия, оплачивая их неисчислимыми жертвами – за своё бездонное долготерпение.

В своей вотчине правитель обладал всеми атрибутами собственности по отношению ко всему находящемуся в ней имуществу – включая людей. Уважения россиян к человеку, его жизни, достоинству, личному пространству, свободе, к закону, а также опыта свободы, привычки к свободному каждодневному труду – ничего этого возникнуть не могло. Добавим сюда отсутствие опыта Гуманизма и Реформы церкви.

Этот сложный комплекс факторов привёл к тому, что в структуре матрицы жизненной программы государства отсутствует составляющая, которая обеспечивает уважение к личности человека и к его достоинству. Отсутствие стремления к свободе, отождествление её в массовом повседневном сознании с анархией, нестабильностью вывели Россию за скобки уважения человека к себе [4, 3; 9, 384-385]. Так произошла стигматизация в сознании народа, закрепившая в нем социальные стереотипы: народ стал заложником государства-власти, считая себя подданными, но никак не гражданами.

Как могли россияне ценить свободу, если они никогда её не ведали?

В России свобода не востребована и в начале XXI века: более половины россиян предпочитают порядок и стабильность; при этом, в силу отсутствия привычки к свободе они не умеют брать на себя ответственность даже за себя – отсюда стремление искать виновника своих бед во внешнем, чуждом для них мире. Наряду с длительной изоляцией страны это привело к отторжению европейской идеи, к отсутствию толерантности в связях с соседними государствами, неумению жить рядом с соседями [7, URL; 13, URL]. Модернизация России воспринималась в первую очередь как вестернизация – опыт, воспринимаемый как чуждый российской культуре, являющийся частью культуры европейской, «не своей», «другой», «чужой», «не такой, как наша». Либеральные реформы XIX-начала XX в. были свернуты – российским реформаторам был уготован трагический финал [4, 3; 9, 385].

Сказанное может до известной степени служить ответом на вопрос, почему в одном случае национальные культуры являются мотором модернизации, а в другом – её тормозом.

Французский политолог, профессор Сорбонны Бруно Гроппо объясняет неприятие россиянами свободы её «травматическим опытом» [5, URL]. Возрастающая популярность такого направления научного знания, как история и теория травмы, поставила вопрос о важности исследования травматического опыта в истории государства, - естественно, с учётом и других факторов (природа, климат, ландшафт и др.), оказывавших влияние на формирование его ядра идентичности. Если в процессе исторического развития общество получает травмы, особенно множественные (войны, диктатуры, оккупации, массовый геноцид народа), травматический опыт создаёт специфическую – понятную и принятую большинством социума – систему знаков, символов, образов, реальных и воображаемых. Эти знаки и образы постепенно наполняются новым содержанием, стигматизируются, и тогда в матрице программы идентичности и в генетической памяти народа архетипы сознания формируют устойчивые представления народа, интересы и ценности, сформированные на основе солидарного опыта и сопричастности. Причем фактором идентичности не всегда является объективная картина отличительных признаков этих элементов, а в большей степени их стандартное восприятие – социальные и иные стереотипы.

Сложившая картина мира остаётся в исторической памяти народа, в культурном ядре страны. Травмы нуждаются в длительном лечении, а оставаясь нелечеными, они периодически гноятся, воспаляются, заставляют испытывать страдания [5, URL], результатом чего становится ресентимент. Как минимум, это недоумение и растущее раздражение людей, отчего они живут хуже, чем хотелось бы (и чем живут другие), а как максимум – социальная зависть, недоверие ко всем «другим», «не таким, как мы», «чужим», озлобление, болезненное стремление доказать свою "особость", уникальность, особый вид социокультурной саморепрезентации и, в ряде случаев, накопление критической массы ненависти [1, 394; 2, URL]. Что касается государства-власти, то по мере необходимости власть использует возможности, предоставляемые исторической памятью, и проецирует её на настоящее для реализации собственных целей.

В ряде выступлений российский президент обращается к теме навязывания россиянам чуждых западных ценностей и институтов. Российские и европейские аналитики неоднократно обращали внимание на то, что в последние годы в выступлениях Президента В. В. Путина был сделан акцент на "духовные скрепы" [14, URL] и на духовность русского человека в противовес прагматизму и бездуховности европейца [18, URL]. Упор в риторике российского руководства всё более отчетливо делается на российские традиции – свои традиции надо охранять от чужих – от внешних влияний и врагов.

Анализ дискурса выступлений президента РФ и других представителей российской власти позволяет выявить, какие ориентиры предлагаются россиянам в качестве системы ценностей и какие – и это главное – воспринимаются ими позитивно.

Соединяя, даже отождествляя понятия «государство», «держава», «власть» и «лидер» (то есть президент), большинство россиян видят силу своей державы в слиянии сильного лидера, государства и народа под эгидой государства для достижения великих целей – воссоединения «Русского мира» и оказания помощи русским соотечественникам, где бы они ни находились. Лидер, жёсткий, оказывающий давление на мировое сообщество с целью вернуть свою державу в статус сверхдержавы и в старые границы (максимально допустимые на данный момент) за счёт расширения жизненного пространства, вызывает у народа уважение и поддержку. Государство-власть, реализующая своё право отстаивать геополитические интересы любыми имеющимися в политике средствами, в том числе путём жёсткой силы, должна вызывать чувство уважения во всем мире. Значительная часть россиян вслед за президентом считает распад СССР величайшей геополитической катастрофой – и одобряет идею минимизировать масштаб этой катастрофы. Народ России призывают к патриотизму, но быть патриотом означает прежде всего служить государству и идти на жертвы ради интересов великой державы.

Председатель Конституционного суда В. Зорькин обратился к глубоко укорененной в народе традиции общинного коллективизма и солидарности и пояснил, противопоставив российский коллективизм чуждому для русского человека западному индивидуализму, что основой крупных достижений России и СССР была опора именно на эту традицию, тогда как попытки использования западных правовых институтов, свободы и ответственности личности, частного блага завершались общественными потрясениями [3, URL]. В принципе об этом говорил в интервью ТАССу и В. В. Путин: «У нас общинный склад ума и менталитет» [6, URL].

Согласно представлениям определённой части политической элиты, дискурс власти, обыгрывающий понятия «величие», «держава», «духовность», «коллективизм», способствует подстройке традиционного коллективизма к современным условиям и укрепляет российскую державу, а значит – и правящий класс.

Анализируя предлагаемые властью россиянам базовые ценностные ориентиры, российский эксперт Игорь Яковенко подчеркивает, что русская культура по своей природе – имперская и что «идея империи лежит в ядре культуры страны». Он обращает внимание на легкость, с которой реставрируются имперские настроения в

обществе и на энтузиазм, с которым подхватывает эти настроения молодежь [19, 7]. Дискурс власти не исключает применение военной силы в случае угрозы суверенитету страны, причём власть часто играет на опережение, участвуя в опосредованных войнах и наращивая военные расходы. Однако расходы на оборону не вызывают возражений и даже поддерживаются большинством населения ради сохранения важнейших для массового сознания ценностей – стабильности и вновь обретенного чувства великой державы, в сумме главных признаков которой является военная и геополитическая мощь. Властная элита отдаёт себе отчёт в том, что война – это мощное средство сплочения нации.

Особого внимания заслуживает анализ дискурса Послания российского президента Федеральному Собранию 2012 г: "В мире XXI века Россия должна быть суверенной и влиятельной страной, сохранить свою национальную и духовную идентичность". Подчеркивается, что патриотизм есть «консолидирующая база нашей политики» и что быть патриотом значит «прежде всего служить обществу и стране» [14, URL]. А в Послании Федеральному Собранию (4.12,2014 г.) лидер российского государства противопоставил российскую и европейскую ценностные модели, подчеркнув, что «для России реальный государственный суверенитет – абсолютно необходимое условие её существования» [15, URL]. И в последних выступлениях всё больший акцент в выступлениях главы российского государства делается на «проявление истинных патриотических чувств и высоких нравственных качеств, национальные интересы, историю, традиции, на моральные и духовные ценности, среди которых государственный суверенитет, сплочение нации (курсив мой – С. К.) [6, URL; 16, URL].

Среди опор предлагаемой россиянам ценностной системы – традиционные ценности, то есть патриотизм, великая держава, национальная гордость, суверенное сильное государство как духовная объединяющая сила (духовность), боеспособность, государственный (национальный) суверенитет, единение, солидарность и сплоченность, даже соборность, собственный, особый путь, национальная гордость, безопасность, защита соотечественников, защита от внешних врагов, пятая колонна». Эти идеи получили развитие в выступлениях и работах ряда деятелей РПЦ. Так, отец Всеволод Чаплин высказывается в том смысле, что европейская избирательная и партийная система, рыночная экономика, свобода слова «не вписываются в менталитет россиян» [10, URL].

Вектором российского консерватизма стала критика европейских либеральных элит и «безнравственные» проявления, получившие распространение в европейском обществе. Широкое распространение в России получила пропаганда патриотических и ультраконсервативных христианских взглядов, блокирующих, по мнению церкви и части политической элиты, распространение в российском обществе либеральных идей, навязываемых ему внутри и вне страны [10, URL]. Следствием этого стали изложение новой официальной версии российской истории, в центре которой оказались Российская империя и Советский Союз, а также деятельность масс медиа, в особенности, российских телеканалов. Согласно официальной версии пропаганды, Россия сегодня как никогда едина и сплочена: ведь подавляющее большинство россиян понимает, что российское правительство действует в интересах народа – поэтому в ближайшее время страна «выйдет из кризиса еще более сильной и сплоченной». Ряд европейских экспертов делает вывод: россияне позитивно реагируют на официальные заявления, поскольку они хотят услышать именно это. Так, в итальянских СМИ распространено суждение, что единственным надежным индикатором политической успешности президента Путина является убежденность россиян в том, что именно он всем командует [11, URL, 21, 4]: ведь нуждаясь в «сильном лидере» и желая сохранения его власти, они обеспечивают массовую поддержку своему президенту [20, URL; 21, 4, 22, URL], причём действуют так без переосмысления очевидных фактов и критической рефлексии.

Сформированное у значительной части россиян стереотипное мобилизационное сознание укрепляет в российском обществе когнитивный диссонанс. Это стремление народа к внутреннему комфорту за счёт создания баланса между полученной через официальные каналы и иные точки доступа информацией, с одной стороны, и собственными представлениями о ней в соответствии с закрепившимися стереотипами. Пытаясь преодолеть когнитивный диссонанс, люди ищут не истинную причину явления, а удобное для их сознания объяснение и поэтому справляются с внутренними противоречиями, используя первое более или менее подходящее оправдание [1, 394].

Речь, таким образом, идет о возрождении традиционалистских, консервативных или даже, как пишут некоторые европейские аналитики, палеоконсервативных имперских ценностей [20, URL, 22, URL]. Саморепрезентация России в мире под малопривлекательными лозунгами, отражающими созданную ценностную модель великой державы и роли Русского мира в мировой политике, не укрепляет её престиж в мировом сообществе. Значительная часть российского общества демонстрирует высокую восприимчивость к патриотизму, раскручиваемому официальной пропагандой, и выражает беспокойство не столько по поводу собственных кошельков, сколько из-за исходящих от США и Европы (в силу непонятных, никому неведомых причин и обстоятельств) угроз престижу России как великой державы, российскому суверенитету и даже целостности

страны. Соблюдение же собственных прав тревожит среднестатистического жителя Российской Федерации куда меньше; возможность стать свободным также, по-видимому, не слишком привлекает его.

Список литературы

1. Аллина Л. Вихреворот сновидений. Karlovy Vary. Skleněný můstek. 2016. С. 390-394.
2. Афанасьев Ю. Н. Послушное большинство как основа путинской России: [Электронный ресурс]: URL: <http://echo.msk.ru/programs/year2015/1514266-echo/> (дата обращения 15.09.2015)
3. Валерий Зорькин нашел в крепостничестве духовную скрепу. Надо учиться у вождей использованию российского коллективизма в политических целях (ред. статья): *vedomosti.ru*. 2014. 30 сент. [Электронный ресурс] URL: [vedomosti..ru: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/34027431/skrepu-zorkina](http://www.vedomosti.ru/opinion/news/34027431/skrepu-zorkina) (дата обращения 24.12.2014)
4. Гишинский Я.И. Исключенные навсегда. Новая Газета, 18 ноября 2011 г. С. 3
5. Гроппо Б. Как быть с "темным" историческим прошлым. Лекция на полит.ру: [Электронный ресурс] URL: <http://www.polit.ru/article/2005/02/25/groppo/> (дата обращения 25.2.2016)
6. Интервью В. В. Путина ТАССу: [Электронный ресурс] URL: <http://itar-tass.com/opinions/top-officials/1589319?page=7> (дата обращения 25.12.2015)
7. Кеннан Дж. Ф. Длинная телеграмма. [Электронный ресурс] URL: <http://www.coldwar.ru/bases/telegramm.php> (дата обращения 11.03.2015)
8. Ключевский. В.О. Полный курс лекций по русской истории. Лекция 18. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/18.htm> (дата обращения 02.01.2014)
9. Князева С. Россия глазами итальянцев: имидж России в Италии. // В кн.: Италия. На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI в. (Старый Свет – новые времена)». М. Весь мир. 2011. Глава 19. С. 383-404.
10. Лункин Р. «Лоскутный» мир отца Всеволода Чаплина. Представители РПЦ МП предлагают создать религиозную альтернативу новому мировому порядку в отдельно взятой стране. Портал-Credo.ru: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=comment&id=1010> (дата обращения 02.01.2015)
11. Обзор итальянской прессы (01-08.12.2014): [Электронный ресурс]: URL: http://www.inopressa.ru/article/04Dec2014/usatoday/putin_2.html (дата обращения 12.01.2016)
12. Орешкин Д. В ближайшем будущем неизбежно новое Смутное время - [Электронный ресурс]: URL: <https://openrussia.org/post/view/12775/> (дата обращения 01.03. 2016)].
13. Пайпс Ричард. Почему медведь рычит. – *The Wall Street Journal*. 2006. 1 Mar. 2006: [Электронный ресурс]: URL: <http://echo.msk.ru/inopress/436526-echo.html> (дата обращения 30.03.2016).
14. Послание президента РФ Федеральному Собранию (12.12.2012 г.): [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118/work> (дата обращения 14.12.2014).
15. Послание президента РФ Федеральному Собранию 4.12.2014 г.: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173#sel=23:16,23:16;50:10,50:10>, <http://www.kremlin.ru/transcripts/47173/work> (дата обращения 15.12.2014).
16. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию 03.12.2015.: [Электронный ресурс:] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения 30.03.2016).
16. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. События от смерти Юрия Владимировича до взятия Киева войсками Андрея Боголюбского (1157-1169 гг.). [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_1020.shtml#500 (дата обращения 15.03.2016).
17. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". 31 декабря 2015 г. на Интернет-портале "Российской Газеты". [Электронный ресурс:] URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 18.01.2016).
18. Яковенко И. Культурный рок. Как долго нам еще оставаться «страной особой судьбы»? – Независимая Газета. НГ-Сценарии. 26 фев. 2013. С. 7.
19. Boffa M. La popolarità di Vladimir Putin in patria continua a essere altissima. *Il Foglio*. 2014, 23 nov. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ilfoglio.it/articoli/v/123116/rubriche/sanzioni-russia-ucraina-eccodove-sbaglia-occidente-con-russia.htm> (дата обращения 14.04.2015)
20. Scott A. La Russia ne uscirà più forte. *Il Sole* - 24 ore. 2014, 19 dic. P. 4.
21. Schrad.M. L. The Tea Party Comes to Moscow. *Foreign Policy*, 2015, 06 Jan. [Электронный ресурс]: URL: <http://foreignpolicy.com/2015/01/06/tea-party-putin-moscow-ukraine/> (дата обращения 25.03.2016)

СЕКЦИЯ №11.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В
ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Белякова Н.С.

Дипломатическая академия МИД России

Придя к власти в 2002 г. Партия справедливости и развития (ПСР) провозгласила новый внешнеполитический вектор развития государства, основанный на цели упрочить позиции Турции на международной арене. Особо важным является российский вектор, его официальная формулировка и результаты проводимой политики правящей партии, находящейся у власти почти 15 лет.

В предвыборной программе ПСР 2002 г. российский вектор был сформулирован следующим образом: «Взаимоотношения с Россией продолжат базироваться не на соперничестве в регионах Кавказа и Центральной Азии, а на сотрудничестве и дружбе» [5]. Данная постановка вопроса является логическим продолжением сложившегося потепления в российско-турецких отношениях, когда после распада СССР главной движущей силой российско-турецких отношений было сотрудничество в экономической сфере, в основном, текстильной и сельскохозяйственной областях. Подписанный в 2001 г. План действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой [9] стал первым шагом в сторону выхода отношений на уровень стратегического партнерства. После подписания данного документа началось более активное политическое сотрудничество в форме двусторонних консультаций по вопросам борьбы с международным терроризмом, по вопросам энергетики, торговли, транспорта, туризма и защиты окружающей среды.

Еще одним важным фактором, повлиявшим на улучшение российско-турецких отношений, стало подписание Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о поставках российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря [10]. Данное соглашение предусматривало строительство трубопровода и дальнейшее увеличение поставок российского природного газа в Турцию, что решало важную для Турции задачу по обеспечению стабильности и диверсификации поставщиков энергоресурсов. Таким образом, вектор на улучшение отношений с Россией был определен увеличением торгово-экономического и энергетического сотрудничества и отражен в предвыборной программе ПСР 2002 г.

В аналогичной программе 2007 г. были представлены новые аспекты внешней политике Турции, а в частности, важность доктрины «Ноль проблем с соседями», предложенной А. Давутоглу, нынешним премьер-министром. Политика в отношении России обозначена в подразделах «Соседние страны» и «Азия, Африка, Латинская Америка» в следующей формулировке: «Основу нашей политики в отношении соседних стран составляет принцип «ноль проблем с соседями». В истекший период, несмотря на войну, напряженность и внутренние проблемы в регионе, наши отношения с соседями переживали золотой период. Система отношения с соседними странами – как с теми, с которыми мы граничим по суше, то есть с Ираном, Ираком, Сирией, Болгарией, Грецией и Грузией, так и с теми, с кем мы имеем морскую границу, то есть с такими странами, как Россия, Украина и Румыния – обеспечила создание вокруг нашей страны пояса безопасности, что позволило нам направить все силы на экономическое развитие и демократизацию. Отношения с такими важными акторами Евразийского региона, как Россия, Китай, Индия, Япония не являются альтернативой сложившейся системе отношений Турции с ЕС и США. Подобные сравнения, в которых проявляется менталитет эпохи Холодной войны, находятся за пределами нашей стратегии внешней политики. Мы развиваем и расширяем отношения с Россией, которые в последний период пережили период роста» [6]. Таким образом, Турция сформулировала желание развивать отношения с Россией параллельно с западным вектором своей внешней политики, причем делая акцент на вопросы безопасности и экономического сотрудничества.

В предвыборной программе 2011 г. уделено внимание важному для Турции новому механизму политических консультаций – Советам сотрудничества на высшем уровне. «ПСР привнесла новые измерения в концепцию двусторонних отношений и начала реализацию “Совета стратегического сотрудничества высокого

уровня». Механизм Стратегического Сотрудничества, который мы осуществляем с такими странами как Сирия, Ирак, Ливан, Греция и Россия, - новая концепция и воплощение двусторонних отношений между странами. Благодаря таким Советам Турция способна вывести на самый высокий уровень политические, экономические и культурные отношения с соседними и дружественными странами, а это способствует рождению новой синергии в двусторонних отношениях» [7].

Кроме того, стратегия развития отношений с Россией представлена в отдельной части предвыборной программы под названием «Россия и Кавказ». «Правительство, возглавляемое ПСР, придало особое значение политическим и торговым отношениям с Россией. Как проявление нашей политики “ноль проблем с соседями” и интенсивного экономического сотрудничества наши торговые отношения с Россией продемонстрировали огромный скачок. Россия удовлетворяет потребность Турции в природном газе, турецкие фирмы начали реализовывать масштабные проекты в России. Взаимная отмена виз с Россией придала новый импульс политическим и торговым отношениям. Развитие, наблюдаемое в турецко-российских отношениях, сделало возможным появление новой основы для сотрудничества по различным региональным вопросам от Кавказа до Центральной Азии. Постепенная отмена виз с Россией - важный шаг, придающий новый стимул двусторонним отношениям. В этом контексте мы продолжим укрепление наших отношений с Россией» [7]. Таким образом, была сформулирована важность экономического и политического взаимодействия двух стран для развития двусторонних отношений.

В предвыборной программе 2015 г., отразившей основные тенденции внешней политики Турции на ближайшие несколько лет, как и в программе 2011 г. внимание уделено Советам сотрудничества на высшем уровне: «Мы предприняли целый ряд шагов для того, чтобы выстроить дружественные отношения со всеми соседними странами, разрешить хронические разногласия и установить мир и стабильность в регионе. Мы основали Советы Сотрудничества Высшего уровня с Болгарией, Грецией, Украиной, Россией, Грузией, Азербайджаном и Ираном. Также с Грузией было подписано соглашение, позволяющее осуществлять въезд в страну на основе внутригражданского удостоверения личности» [8].

Далее Россия фигурирует в одном из абзацев в следующей формулировке: «Динамика наших отношений с Россией, которая является еще одним важным для нас партнером и важным актором в региональных вопросах, затрагивает обширный регион, центром которого мы являемся. В предстоящий период мы приложим усилия для сохранения и укрепления импульса, который мы получили в отношениях с Россией в первую очередь в сфере энергетики и торговли. Мы продолжим поддерживать обеспечение безопасности и процветания родственных нам крымских татар, являющихся основным народом Крыма, не прекратим попытки установления между Украиной и Россией диалога, направленного на расширение и гарантии их прав и интересов, а также будем принимать в этом посильное участие» [8]. Важно отметить, что первоначальная «реакция Турции на события в Крыму была сдержанной и в некоторой мере неопределённой» [1], что позволило Турции не вступить в открытый конфликт ни с одной из сторон. Вопросы поддержки национальных турецких меньшинств уже не первый раз находят свое отражение в повестке дня двусторонних отношений. Примером можно считать так же «черкесский вопрос», в рамках которого Турция проводит активную политику с отношении черкесов, «проживающих на ее территории, для оказания влияния на мусульманское нетюркское население Северного Кавказа» [2]. Кроме того, отмечена важность двусторонних отношений между Россией и Турцией в контексте регионального сотрудничества, что можно отнести и к Черному морю. Это дает возможность предположить, что дальнейшее развитие Черноморского региона будет, если не полностью, то по большей части зависеть от динамики российско-турецких отношений.

На основе анализа официальных документов правящей партии, формирующих внешнюю политику Турецкой Республики, можно сделать вывод о том, что предпосылок к ухудшению двусторонних отношений не было. Это подтверждает и анализ торгово-экономического баланса России и Турции, который стал «достижением российско-турецких отношений, вышедших в XXI в. на уровень многопланового партнерства» [3], а в последние несколько лет занимал 2-е место в общем внешнеторговом обороте Турции. Представляется, что кризис в российско-турецких отношениях, начавшийся после сбита в ноябре 2015 г. российского военного самолета над территорией Сирийской Арабской Республики турецкой стороной, был результатом принятия решения «исключительно в сиюминутных интересах» [4], без учета возможных последствий в долгосрочной перспективе как в разрезе двусторонних отношений, так и в региональном плане.

Список литературы

1. Белякова Н.С. Крым и российско-турецкие отношения // Обозреватель – Observer. 2015, №1. С. 23

2. Белякова Н.С. Роль и место Черкесского вопроса в политике США, ЕС и Турции на Северном Кавказе // Вестник РУДН, серия «Международные отношения», 2015. №1, с. 183
3. Белякова Н.С. Черноморский регион во внешнеполитической стратегии Турецкой Республики // Дипломатическая служба 2014, №6. С. 32
4. Шангараев Р. Ногмова А. Политизация торгово-экономического сотрудничества России и Турции // Обозреватель – Observer. 2016, №3. С. 50
5. AK Parti 2002 Genel Seçimleri Seçim beyannamesi. Herşey Türkiye için! // URL: <http://www.akparti.org.tr/upload/documents/2002-beyanname.pdf> (дата обращения: 19.02.2016)
6. AK Parti 2007 Genel Seçimleri Seçim beyannamesi. Güven ve istikrar içinde. Durmak yok yola devam. Haziran 2007 // URL: <http://www.akparti.org.tr/upload/documents/2007-beyanname> (дата обращения: 20.02.2016)
7. AK Parti 12 Haziran 2011 Genel Seçimleri Seçim beyannamesi // URL: <http://www.akparti.org.tr/upload/documents/2011-beyanname.pdf> (дата обращения: 22.02.2016)
8. AK Parti 7 haziran 2015 Genel Seçimleri Seçim beyannamesi // URL: <http://www.akparti.org.tr/upload/documents/2015-secim-beyannamesi-20nisan.pdf> (дата обращения: 22.02.2016)
9. Rusya Federasyonu ile Türkiye Cumhuriyeti arasında Avrasya'da İşbirliği Eylem Planı (İkili İşbirliğinden Çok Boyutlu Ortaklığa) // URL: http://www.turkey.mid.ru/relat_2_t.html (дата обращения: 23.02.2016)
10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о поставках российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря // http://archive.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/8F6BE1D0012B91C843257F5F00209A6F (дата обращения: 23.02.2016)

**СЕКЦИЯ №12.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА.
ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)**

**СЕКЦИЯ №13.
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)

**СЕКЦИЯ №14.
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)**

**СЕКЦИЯ №15.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)**

**СЕКЦИЯ №16.
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И
ПРОЦЕССЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)**

**СЕКЦИЯ №17.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)**

**СЕКЦИЯ №18.
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)**

**СЕКЦИЯ №19.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)**

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)

**СЕКЦИЯ №20.
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)**

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ КЛАССИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ

Тиховодова А.В.

Волжский государственный университет водного транспорта, г.Нижний Новгород

Проблема истины является одной из главных в теории познания. Истина является непосредственной целью познания. Все гносеологические проблемы так или иначе связаны с проблемой истины: с поиском средств и путей ее достижения, форм ее существования и реализации, структуры познавательных отношений и т.д. Однако однозначного понимания природы истины нет. В гносеологическом плане исследования проблемы истины на современном этапе характеризуются многообразием подходов: от вариаций классического определения истины до ее постмодернистского отрицания.

Классическую теорию истины именуют теорией соответствия или, в западной философии, теорией корреспонденции (от англ. *correspondence* - соответствие). Для классической концепции истины характерны следующие принципы: действительность не зависит от мира знаний; между нашими мыслями и действительностью можно установить однозначное соответствие; существует критерий установления соответствия мыслей действительности; сама теория соответствия логически непротиворечива.

У ее истоков стояли античные мыслители Платон и Аристотель. «Тот, кто говорит о вещах, - писал Платон, - в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, лжет...» Это значит, что истинное знание суть мысль говорящего, соответствующая действительному положению вещей, в то время как ложное знание – мысль говорящего, не соответствующая действительному положению вещей. Аристотель исходит из того, что мысль может быть охарактеризована как истинная, если она логически воспроизводит реальные свойства объекта, о котором субъект рассуждает. Античное понимание истины получило свое дальнейшее развитие в известной формуле, идущей от Ф. Аквинского, - «*adaequatio rei et intellectus*», что в переводе с латинского означает соответствие вещи и интеллекта. Смысл данной формулы в том, что основой истинности мысли является не субъект, правильно воспринимающий и рассуждающий о вещи, а сама вещь как объект. Вещь, ее свойство детерминируют содержание мысли (интеллекта). Истинная мысль адекватна вещи, находится в ней в соответствии, согласии, в известном смысле, равенстве.

Концепция соответствия лежит и в основе одной из наиболее серьезных философских и научных концепций современности - диалектического материализма (основатели К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин). Его основными положениями относительно понятия истины являются. Во-первых, понятие «действительность» трактуется прежде всего как объективная реальность, существующая до и независимо от нашего сознания, как состоящая не только из явлений, но и из сущностей, скрывающихся за ними, в них проявляющихся. Во-вторых, в «действительность» входит также и субъективная действительность; познается, отражается в истине также и духовная реальность. В-третьих, познание, его результат — истина, а также сам объект понимаются как неразрывно связанные с предметно-чувственной деятельностью человека, с практикой; объект задается через практику; истина, т.е. достоверное знание ее сущности и ее проявлений, воспроизводима на практике. В-четвертых, признается, что истина не только статичное, но также и динамичное образование, истина есть процесс (все достигаемые истины – есть истины относительные, абсолютная истина – есть сумма относительных истин).

В XX в. логические направления философской мысли рассматривают истину с точки зрения ее «формы», языкового, знакового выражения. Данный подход раскрывает еще один из аспектов проблемы истины - специфику ее существования в знаковой форме, в частности, в языке, как совершенно своеобразном, уникальном продукте духовной деятельности человека. Одним из основоположников логической семантики является Г. Фреге. Введенное им понятие истинностного значения используется и в современной науке. В своих трудах Фреге начал исследование связи значения и смысла языковых выражений, продолженное затем Б. Расселом, Л. Витгенштейном и др.

Самостоятельное значение получила концепция истины польского логика и математика А. Тарского, названная семантической. Тарский предложил следующее определение истины: истина – свойство языка, в терминах которого обсуждают факты, но не свойство языка, в котором формулируются сами факты. Тарский предложил разделить язык, в котором обсуждается истинность высказываний, на два языка с различными функциями – объектный язык для описания фактов и семантический метаязык для определения условий истинности. Слово «истина» принадлежит только метаязыку. Истинным можно называть высказывание, если и только оно описывает факт, содержащийся в объектном языке. Например, высказывание метаязыка «снег бел» истинно в объектном языке, если и только снег бел. Тарский ставил перед собой цель придать формальную строгость классическому (аристотелевскому) определению истины и установить место и границы его значимости. Логическим результатом развития семантических идей становится исключение объективно-истинного содержания познавательных форм, лишение понятия истины его объективной природы. Концепция Тарского не решает вопрос о природе истинности и даже не ставит такой задачи: она только показывает, как от утверждений о реальности мы можем перейти к утверждениям об истинностных значениях предложений, при каких условиях мы можем это сделать — а важнейшим среди этих условий является собственно уже наличие какой-либо теории истины, представляющей собой не что иное, как ответ на вопрос о природе истинности. Теория Тарского применима только к формализованным языкам. Естественные языки не делятся на объектные и метаязыки. Тарский не дает ответа на вопрос, что такое истина, а лишь сдвигает его с объектного языка на уровень метаязыка. Чтобы определить истину как свойство метаязыка, необходимо построить метаязык более высокого уровня и т.д. до бесконечности. Семантическая теория неприменима к высказываниям, логически (необходимо) истинным или ложным. Значение логико-семантического подхода в том, что он развивает теорию соответствия, перенося исследование в область языка, вовлекая еще один пласт человеческого бытия в проблемное поле истины.

Таким образом, классическая теория истины соответствия неоднородна. Большинство вариантов теории соответствия можно классифицировать по ряду оснований: а) в зависимости от смысла, вкладываемого в источник истинностного значения (различают рационалистическую и сенсуалистическую разновидности теории соответствия); б) в зависимости от понимания характера соответствия между знанием и объектом познания (выделяют: теорию образов, изоморфных объекту; теорию образов – репрезентантов; теорию образов как неточных копий объектов и др.); в) в зависимости от того, что подразумевается под критерием истинности знаний (очевидность, общепринятость, ясность и отчетливость, простота, непротиворечивость, практика и др.); в зависимости от мировоззренческой позиции философа (дифференцируют на материалистическую, дуалистическую, субъективно-идеалистическую, абсолютно-идеалистическую концепции и различные их варианты).

Классическая теория истины столкнулась со значительными трудностями. Первая из них связана с понятием действительности. Чтобы иметь возможность сопоставлять знание с действительностью, мы должны быть уверены в подлинности последней. Но как раз этой уверенности мы не имеем. Мы сравниваем наше знание не с самой действительностью, а с нашим восприятием ее, с фактами, которые могут быть обозначены как мир опыта. Но эти факты не могут быть независимы от наших познавательных способностей, как и сам мир знания. Фактический, опытный мир – это концептуально осмысленный и «пропущенный» через наше сознание мир. Существуют такие области познания, в которых действительность полностью зависит от субъекта, моделируется им, например, в математике или в квантовой механике. Таким образом, знания субъекта в каждом конкретном познавательном акте соотносятся не с объективным миром «самим по себе», а с объектом, заданным через ощущения, понятия, идеи, в науке – через научные принципы, законы, методы, т.е. через предмет познания. Поэтому истинным и является такое знание, содержание которого соответствует объекту, данному в концептуализированном виде.

Другая трудность – в понимании соответствия. Отношения между мыслями и действительностью не носят характер простого соответствия. Мысль – не копия действительности, а сложное идеальное образование, имеющее многоуровневую структуру. Высказывания не могут быть копиями вещей. Наиболее приемлемый вариант принятия соответствия – это признать наличие определенного рода функционального сходства между

содержанием знания и объектом на основе выявления общих социально-значимых черт, признаков, свойств как у одного, так и у другого. Такое сходство возможно благодаря истине как идее – норме, через которую объект познания и приобретает понятийное, концептуальное оформление, с одной стороны, а мысль наполняется конкретным объектным содержанием, с другой.

Возникает некоторый скептицизм по поводу широкого и невдумчивого использования в гносеологии понятия «отражение», которое в большей мере приложимо к характеристике досознательных и допсихических форм отношений между системами. Отражение в неживой материи – это материальный процесс и результат структурного изменения взаимодействующих между собой физических, химических, биологических, технических систем. Напротив, ощущение есть элементарный психический (идеальный) результат взаимодействия органов чувств человека с внешним объектом. Содержание ощущения и производных от него форм чувственного познания (восприятия, представления) зависит не только от природы анализаторов и свойств внешних объектов, но и целого комплекса социокультурных факторов индивидуального и коллективного порядков – интерпретации, социальной и эмоциональной оценок. Поэтому применительно к характеристике таких уникальных социальных систем, как сознание, знание и познание, важно отказаться от упрощенного взгляда на определяющую роль материального бытия по отношению к сознанию и однонаправленное отражение первого во втором. Отражение как гносеологическое понятие имеет отношение лишь к характеристике содержательной истинности знаний, к тому же знаний, имеющих отношение только к эмпирическим фактам. Понятие отражение не следует распространять на процессуальные (деятельностные) формы познания, которым в большинстве своем чужд отражательный характер, а если оно и присутствует в некоторых элементарных операциях (анализе, синтезе, аналогии), то в трансформированном вербально-логическом виде. Таким образом, понимание соответствия исключительно через соотнесение его с принципом отражения не раскрывает подлинный смысл истинности знаний и требует более глубокого анализа с привлечением других гносеологических, логических, социокультурных, индивидуально-психологических детерминант и рассмотрением их в тесной взаимосвязи друг с другом. Соответствие мыслей действительности является необходимым условием принятия классической концепции истины, но еще недостаточным. Нужно знать метод установления соответствия, типы высказываний, к которым применима эта концепция, и область применения методов, т.е. тип действительности.

Трудности классической концепции истины еще более очевидны на фоне обнаруженных в ней логических парадоксов. Один из самых известных и древних из них – парадокс лжеца. Допустим, что кое-кто о самом себе утверждает «Я лгу». С одной стороны, он описывает действительный факт своего неискреннего поведения, т.е. данное высказывание является истинным. А с другой стороны, по содержанию оно утверждает ложь, приписывает субъекту данного суждения (Я) свойство высказывать ложь. Тогда и получается, что высказывание «Я лгу» - истинно. В приведенном примере имеет место нарушение логического закона непротиворечия. Парадокс лжеца оказался неразрешимым для классической теории истины, так как столкнулся с трудностями, которые возникают при смешении двух языков: объектного языка и метаязыка. В логике объектным языком называется тот язык, который выступает предметом исследования. Язык, который употребляется для выражения объектного языка, называется метаязыком. Как оказалось, в повседневности нельзя пользоваться семантическими оценочными понятиями (истина, ложь, доказуемо, опровержимо) без противоречий. При разграничении языка и метаязыка преодолевается данный парадокс, о чем свидетельствует семантическая концепция истины, разработанная А. Гарским.

Истинность – это не просто соответствие, а гносеологическая оценка (норма), указывающая на соответствие между содержанием знания и воспроизводимым в нем объектом. Причем, оценку эту осуществляет ни кто иной как субъект. Им оценивается соответствие высказывания и с объектом (гносеология), и с самим собой как субъектом (аксиология), и собственно с системой высказываний (праксиология, логика). Корреспондентская концепция предоставляет ценнейший материал по нескольким направлениям: во-первых, она является первой в истории философской концептуализацией истины, восходя к Платону и Аристотелю; во-вторых, она содержит широкий спектр трактовок идеи соответствия (корреспонденции); в-третьих, она почти универсальна по широте применения своих положений. Корреспондентская теория остается востребованной и в эпоху постмодерна, побуждая исследователей искать пути ее развития и применения в новых условиях. Корреспондентская концепция истины во всех ее вариациях, устанавливая соответствие (как бы оно не понималось) знаний и действительности, выражает таким образом интуитивно ощущаемую человеком гармонию между реальностью и ее образом, между миром материального и идеального.

Список литературы

1. Горак, А.И. Истина в контексте социума / А.И. Горак // Философские науки. – 1991. - № 12. – 88 – 93.

2. Истина в науках и философии: научное издание / Институт философии РАН; под ред. И.Т. Касавина и др. – М.: Альфа-М, 2010. – 492 с.
3. Лукманова, Р.Х. Истина как многомерная философская категория: Монография / Р.Х. Лукманова. – Уфа: ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет», 2008. - 214 с.
4. Рахматуллин, Р.Ю. Истина как философская категория / Р.Ю. Рахматуллин // Молодой ученый. - 2014. - № 3. - С. 332 - 335.

СЕКЦИЯ №21. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «ОБЛАДАНИЯ» В ФИЛОСОФИИ Г.МАРСЕЛЯ

Гусейнов Ф.И., кандидат философских наук, доцент

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г.Москва

Для анализа ситуации человека в современном мире в аспекте категорий «бытия», «обладания» и «собственности», темы, ныне весьма актуальной [1, 6, 7, 9], я решил в настоящей статье обратиться к наследию классика и родоначальника европейского экзистенциализма, французскому мыслителю Габриэлю Марселю (1889-1973).

Фокусом своих размышлений Марсель сделал тему ответственности философа в современном мире, которая заключается в том, чтобы встать на защиту того высокого, что есть в человеке. Эта проблема в настоящее время поднимается как в духовной культуре в целом [4, 10, 15], так и в системе образования, в частности [2, 5, 8, 14]. Роль философа, по мнению Марселя, сходна с ролью часового, стоящего на ночной вахте. Эта трудная роль, состоит прежде всего в том, чтобы неутомимо бороться со сном, который на уровне ума, может выражаться в разнообразных формах. Это сон привычки, предрассудка, догматизма.

У человека, по Марселю, есть две главные способности. Первая – это рациональность. Эту способность никто не подвергает сомнению. Вторая – есть способность к святости. Речь идет о способности человека порождать цель, поднимающую его жизнь на более высокий духовный уровень. Человеческая жизнь отличается от всех других форм сущего, обреченных на вечное повторение. Суть этого отличия в том, что человеческая жизнь под знаком идеи служения может стремиться к чему-то большему, чем она сама. Обладая способностью жить на более высоком духовном уровне, в то же время, всегда остается угроза, что человек может деградировать и потерять свое подлинное бытие и достоинство.

Все сущее Марсель делит на сферу «обладания» и сферу «бытия». В «Очерке феноменологии обладания» (1933) Марсель анализирует соотношение «быть» и «иметь» как двух фундаментальных модусов человеческого существования. Этот анализ приводит Марселя к созданию оригинальной философской концепции с далеко идущими выводами.

Современный человек европейского типа, живущий в постиндустриальном обществе, отмечает Марсель, находится под мощным давлением сферы обладания. Не умея толком ей противостоять, под знаком ложных представлений, он проживает, по сути, не свою, а чужую жизнь. Чтобы выявить эту дихотомию, Марсель обращается к феноменологическому анализу сферы обладания. Философ принципиально прокладывает территорию, которая не принадлежит ни логике, ни теории познания. Он использует феноменологический метод, под которым Марсель понимает работу рефлексии, с привязкой к конкретным ситуациям. Роль примеров в марселевском изложении нельзя умалять или недооценивать, так как они, по признанию мыслителя, играют важную роль: «Для меня привести пример – пишет Марсель – означает в каком-то смысле доказать самому себе, доказать моему собеседнику, что я говорю не в пустыне: я бы даже сказал, что роль примера сродни орошению»[13, с. 166].

Всю сферу «обладания» Марсель делит на обладание внешнее и внутреннее. Главный признак внешнего обладания – принципиальное наличие разрыва, дистанции между обладающим и обладаемым. Марсель сознательно избегает употребления традиционных терминов субъект и объект из-за придаваемого им логико-эпистемологического значения. Первым случаем обладания является владение вещами. Например, когда я говорю «Поль имеет велосипед» или «Жак имеет картину», то я имею в виду, что данный велосипед больше не может использовать никто другой. Марсель подчеркивает важную роль здесь понятия «Другой». Владея вещами,

всегда есть угроза, что другой может посягнуть на то, что я имею и связь между мной и моей вещью может прерваться. В этом заключается логика собственности. Вещь можно потерять, ее могут украсть или отобрать. Другая существенная черта, характерная для феноменов обладания – свойство быть «видимым для кого-то». Например, я могу всегда показать картину гостям, если захочу.

Рассматривая разные модусы обладания-владения, Марсель обращает внимание, что при желании их можно выстроить в виде иерархии. Так, в смысле своего влияния на духовное начало человека, абстрактная собственность оказывается опаснее конкретной. Среди таких экономических абстракций философ обращает особое внимание на развращающую роль денег. Он соглашается с Освальдом Шпенглером, который усматривал противоположность между финансовой собственностью, деньгами как абстрактной массой и реальной собственностью, например, земледелием или производством. Красной нитью у Марселя проходит очень тонкая мысль, требующая своего дальнейшего осмысления, о том, что собственность имеет способность нас поглощать. Мы оказываемся инертны перед лицом объектов, самих по себе инертных. В этом смысле, обладание обладанию рознь: одно дело владеть слитками золота или пакетами акций, другое – тем, что «постоянно обновляется личным творчеством (пусть это будет сад, который я обрабатываю, пианино или скрипка музыканта, лаборатория ученого). Во всех этих случаях обладание стремится, так сказать, не исчезнуть, а возвыситься, превратиться в бытие»[13, с. 140].

Второй случай – владение живыми существами, который распадается на владение животными и владение людьми. Многие из нас владеют кошками или собаками. Здесь отношение более динамичное, ибо помимо моей воли добавляется еще реакция живого существа. Так, если я иду с собакой, то она не просто должна идти рядом, но также признавать меня в качестве своего хозяина, слушаться меня, реагировать на мои команды. Тут к риску дистанции владения вещами материального типа добавляется риск принципиальной неосуществимости полной дрессировки и, следовательно, полного господства.

Пример владения людьми философ находит в предпоследней главе романа М. Пруста «В поисках утраченного времени», где главный герой Марсель, в отчаянии из-за любви и ревности держит в заточении возлюбленную Альбертину, чтобы увеличить свою власть над ней. Однако сознание оказывается тем местом, в котором она сопротивляется и ускользает от него.

После Марсель переходит к внутреннему типу обладания, который называется «обладание-включение». Ситуация здесь определяется переходом в сферу, где нет пространственного разделения между вещью и ее владельцем. Марсель начинает с выражений «иметь головную боль» или «иметь нужду в чем-то». Классическим примером для данного типа будет выражение «иметь секрет». Его надо хранить, держать в себе и нельзя выдавать и демонстрировать другим. В этой герметичности «секрет», подобен заключенному, ибо раскрытый секрет перестает существовать. Главный минус обладания, по Марселю – «предательство и отступничество» в том смысле, что все мое, со временем, может перестать быть моим. Здесь же можно рассмотреть псевдособственность, как «мои идеи» или «мои мнения». Идеи могут оказать тираническое влияние, если автор ими загордился как, например, гордятся своей оранжереей или конюшней. Под пером Марселя в этом месте возникает зловещая фигура «идеолога» – одного из самых опасных человеческих типов, который заключает что-то типа сделки и становится рабом умерщвленной части самого себя: «Здесь по-моему, – пишет Марсель, – заключена разница между идеологом, с одной стороны, и мыслителем или художником – с другой... Мыслитель, напротив, постоянно остерегается этой сделки, этой возможной окаменелости своей мысли; он постоянно находится в процессе творчества» [11, с. 145].

Марсель, наконец, приходит к выражению «у меня есть тело». Что значит иметь свое тело? Очевидно, что тело я не могу потерять, и его не могут у меня отнять. Очевидно, что меня видят другие, и сам я себя вижу в зеркале. Телесность – это особый феномен, на который обратил внимание Марсель, с которого, как подчеркивают исследователи, начинается проблематика, получившая на французской почве развитие в трудах Ж.-П. Сартра (тема отчуждения), М. Мерло-Понти (тема восприятия) и М. Фуко (тема сексуальности).

Марсель ставит вопрос: как я должен относиться к своему телу? Могу ли я считать его своей собственностью, полученной в наследство от своих родителей? Могу ли я своим телом свободно и полностью распоряжаться, делать с ним все, что захочу? Например, сдавать его в аренду как помещение (проституция), продавать на запчасти как машину (трансплантация), наконец, взяв на себя непомерные обязательства и наделав долги, публично объявить о банкротстве и закрыть, ликвидировать как фирму(суицид)? Марсель стремится преодолеть традиционные оппозиции души и тела, материализма и идеализма. Ответ Марселя перекликается с гегелевской диалектикой господина и раба из «Феноменологии духа». Он приводит оригинальную метафору «хозяина и собаки» для герменевтики феномена собственного тела. Марсель вопрошает: «Могу ли я сказать, что мое тело – «мое» в том смысле, в каком я сказал бы, например, о домашней собаке, что это – моя собака?»[12, с.158].

При всем сходстве, говорит Марсель, эта аналогия хромает. Во-первых, хозяин и собака при всей их привязанности, существуют как два объективно отдельных организма. Во-вторых, моя связь с собственным телом не мысленная, а прочувствованная. Это значит, что я не могу превратиться в полностью дематериализованное его. Наша «глубинная природа чувствования» с уровня обладания переносит нас на уровень бытия, где мы являемся не зрителями, не собственниками, а участниками драмы жизни.

Человек – это мерцающая структура, учит Габриэль Марсель. Феноменологический анализ привел французского философа к выводу, что человек двойственен. Он колеблется, раскачивается в своей повседневной жизни между двумя мирами. Мир обладания периодически перекрывает и затмевает собой мир бытия, но никогда не полностью.

В заключении, отдельно отметим мысль Марселя о возрастающей роль философии в современном мире. Каждый человек несет в себе фундаментальную онтологическую потребность существовать на отвечающем человеческому достоинству адекватном духовном уровне. Эта потребность время от времени дает о себе знать в виде смутных порывов, когда наша жизнь взрывается такими событиями, как рождение, встреча, любовь, болезнь, смерть близких людей и т.д. В такие моменты цепочка привычных действий оказывается прерванной. Человек, подчеркивает Марсель, в эти минуты преодолевает мир обладания и соотносит себя с духовным бытием и этот разрыв воспринимает вначале как тревогу, а затем на уровне «со-чувствующего отношения» (*meditation sympatique*) к миру, это состояние у него перерастает в беспокойство и вопрос о смысле жизни. Начинается философская рефлексия, которая в зачаточном виде укоренена в повседневной жизни. В этом смысле, потенциально все люди – философы.

Список литературы

1. Васякин Б.С. Социально-гуманитарный аспект менеджмента //Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. Новосибирск, 2016. С. 60-62.
2. Васякин Б.С. Современный тренинг: новые возможности в бизнесе и образовании. // Геращенко А.Л., Геращенко Ж.В., Глушач Н.Н., Буренкова Е.Л., Котеленко Е.Ю., Белогруд И.Н., Воробьева О.А., Михайловский М.Н., Щербакова О.И., Хамматова Р.С., Бобкова М.В., Ушакова В.Д., Журавкина И.С., Ушакова В.Д., Зарудная Е.А., Сажин В.Ю., Сердакова К.Г., Васякин Б.С., Пожарская Е.Л., Шульченко М.В. и др. Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции 22 октября 2015 года, Москва / Коллектив авторов. Москва, 2015.
3. Васякин Б.С., Бережная М.С., Пожарская Е.Л., Дебердеева Н.А. Социально-психологическая адаптация абитуриентов и студентов регионов посредством социально-психологического тренинга // Горизонты экономики. 2014. № 6-2 (19). С. 119-125.
4. Гришин В.И., Гришина О.А., Яблочкина И.В., Кошкин А.П., Гушер А.И., Манойло А.В., Бочарников И.В. Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ. Информационно-аналитический вестник / ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». Москва, 2015. Том Выпуск 3
5. Ивлева М.И. Место логики в системе экономического образования // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 114-116.
6. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. Новосибирск, 2016. С. 64-66.
7. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994
8. Корнилова И.М. Исторический опыт подготовки кадров народного хозяйства в национальных республиках Поволжья (1918-1991 гг.). Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Калмыцкий гос. ун-т". Москва, 2009.

9. Корнилова И.М. Русская культура и развитие просвещения у народов Поволжья в конце XIX - начале XX в. //Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 28-31.
10. Корнилова И.М. Формирование системы высшего образования в национальных районах России (на материалах Поволжья). Учебное пособие / И. М. Корнилова; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Калмыцкий гос. ун-т". Элиста, 2008.
11. Марсель Г. Очерк феноменологии обладания/ Г. Марсель. Быть и иметь. Новочеркасск.1994
12. Марсель Г. Цикл лекций. Тайнство бытия. Лекция пятая.- История философии. Вып.10.- М.: ИФ РАН, 2003
13. Поль Рикер – Габриэль Марсель. Беседы. /Габриэль Марсель. Трагическая мудрость философии. М. 1995.
14. Яблочкина И.В. Инновационное гуманитарное образование в вузе // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г.Санкт-Петербург, 2016. С. 147-149.
15. Яблочкина И.В., Насонов А.А. Проблемы НЭПа в «беспартийной» прессе Советской России: к вопросу о кризисе российского либерализма // Клио. 2011. № 5. С.72-75.

СЕКЦИЯ №22.

ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)

СЕКЦИЯ №23.

ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)

ПРАГМАТИКА ФИЛОСОФИИ: КРИТИКА И АПОЛОГЕТИКА

Обыденный Д.Н.

Воронежский государственный университет, г.Воронеж

Вопрос о генезисе дисциплинарном, мировоззренческой и концептуальном статусе философии ставился всегда, изначально, фактически с самого момента генезиса феномена философского знания и отношения к бытию как такового. Следует отметить, что данная проблема было достаточно широко развернута и дискуссии по данному поводу вполне концептуально очерчены, выявлены и понятны. У нас имеется в наличии позитивистская точка зрения на статус философского знания, восходящая к общей традиции сциентского мировоззрения; также, существует вполне оформившаяся экзистенциалистская трактовка философии, как особого способа существования, находящего своё выражение в определенной экзистенциальной ориентации личного бытия. Существовали помимо этого, многочисленные попытки построения философии как строго науки, которые, впрочем, не увенчались каким-либо существенным успехом, поскольку не были с очевидностью указаны ни критерии научности философии, ни те результаты, к которым она должна стремиться. К концу двадцатого века дискуссии о статусе философии заметно утихли, если не считать постмодернистских, во многом эпатажных и стремящихся к экстравагантности её трактовок.

Тем не менее, и данный факт остается прочным фактом, - философия крепко обосновалась в контексте корпуса академических дисциплин, что позволяет сделать достаточно веское и основательное заключение о том, что в определённых кругах, которые направляют общие тенденции научного и сопряженного с ним образовательного процесса высшей школы сохранилась твердая убежденность в необходимости философии, некая форма веры в её скрытый потенциал, либо уважение к древней, некогда претендовавшей на статус науки наук дисциплине. Что ж, профессионалам от философии остается только надеется на то, что данная вера не иссякнет, хотя бы на их веку.

В рамках данного скромного повествовании-исследования нам бы хотелось акцентировать фокус внимания рефлексии на вопросе не столько дисциплинарного и общекультурного статуса философии, сколько на проблеме прагматического аспекта философского дискурса, посмотреть на философию как на способ и средство определенной практики и этики. Собственно говоря, зададимся простым и прямым вопросом, - зачем нужна философия. Мыслители веками избегали простых вопросов, явно или неявно утяжеляя, усложняя их постановку. Возможно, именно поэтому и ответы получались аморфными и неубедительными. Спрашивать, вероятно, напротив, стоит прямо и предельно упрощенно, ведь, по сути, жизнь состоит из достаточно простых вещей и

проблем. Каков толк от философии, зачем заниматься философией? Зачастую отвечают на данный вопрос предельно глобально и возвышенно отвлеченно, в перспективе веков, в масштабе обществ и культур. Но, не стоит забывать, что отдельный человек не существует такими метриками и масштабами. Конечность как конститутивная архитектурная структура бытия человечества – вот, пожалуй, единственная светлая идея экзистенциализма. Как субъект своего собственного личного бытия, я существую локально и ограниченно, в масштабах микроскопических по отношению к пространствам, перспективам и ретроспективам мира, истории, человечества и культуры. Поэтому и смысл извлекаемый из философии для моего личного существования должен быть также локален, ограничен, предельно определен и прост. Утопая в абстракциях, спекулятивных построениях и крупномасштабных размахах мысли философы промахивались мимо действительно фундаментальных и насущных вещей. со временем таковая тенденция вызвала все те нападки, которым подверглась философия и, особенно, философская метафизика со стороны позитивистских кругов. Пожалуй, не грешили этим лишь греки, но о них отдельно.

Так каков же смысл философии, её прикладное значение в жизненно-практическом, а, также, экзистенциальном выражении, применительно к жизни отдельного человека? Здесь возможно несколько вариантов. Разумеется, говорить о том, что философия чего-то достигла, если под этим понимать нечто по аналогии с прогрессом естествознания, не стоит. Прогресс философии, следует скорее рассматривать в аспекте возникновения всё ширящегося с веками и эпохами разнообразия философских школ, тенденций, течений и направлений. Основным критерий прогресса философской мысли кроется в степени оригинальности новых философских идей, генерировании новых ходов и смысловых измерений философских ходов. Поэтому, в определенном смысле, осваивая всё новые тонкости и нюансы философского дискурса, человек развивает изгибы мышления, но, что самое важное, мышления философского, спекулятивного. Решает ли это какие-то жизненные вопросы, вопросы фундаментальные, подобно отысканию формулы мира в физике. Конечно же – нет. Имей философию какую-либо позитивную, положительную эвристику в плане схожем с естественными науками, в той ретроспективе, которую она имеет – результат непременно бы был. Но, к сожалению, этого нет. Но, это не означает бессмысленность существования философии. Философствование как определённые мыслительные, теоретизирующие практики выполняет важную экзистенциальную задачу – заполняет время жизни, концентрируя сознание на философских предметах, обеспечивая забвение суеты житейской, эмоциональных потоков, создающих дискомфорт, вызывающих страдание. В этом смысле, философствование в чистом виде, равно и углубленное изучение тематических текстов, в особенности, предельно спекулятивной и метафизической направленности можно рассматривать в качестве определённой медитативной процедуре, своеобразного парения ума в сфере предельно оторванной от профанного измерения реальности с её текущими скорбями, волнениями и заботами. Собственно говоря, в исключительно прагматическом, повседневном смысле с этой точки зрения упражнения в философствовании в своей сути сходны с медитацией в её восточном понимании и, даже, с практикой умной молитвы, получившей широкое распространение в мистико-созерцательной традиции восточной церкви, в особенности, в исихазме. В указанном варианте, философствование культивирует состояние особой отрешенности, забвения суетности мира, которое под различными понятиями фигурирует в истории как европейской, так восточной философских традиций: атараксия и апатия у античных скептиков и эпикурейцев, состояние самадхи в буддизме (хотя здесь есть определённые нюансы, в которые, в предельно общем смысле, вдаваться не стоит), сатори в дзэне и т.д.

Вторая и немаловажная, особенно в современном, глобализирующемся мире, с подвижной экономикой, важной ролью средств массовой информации в жизни общества, прагматическая функция философии заключается в формировании чрезвычайно мобильной в профессиональном смысле личности, способной активно адаптироваться к изменению конъюнктуры рынка труда. Как уже было сказано выше, мы поднимает непосредственные, жизненно близкие и насущные проблемы, одна из которых определяется как, - куда идти выпускнику философского факультета работать. Поверхностное понимание специфики влияния изучения философии в систематическом виде в рамках вузовского образования, либо видение профессионального будущего дипломированного «философа» лишь в узкой перспективе научно-педагогической деятельности, отталкивает существенное количество абитуриентов от выбора соответствующего факультета в качестве первой ступени (коих, не стоит об этом забывать, в современной России три) получения высшего образования. Вместе с тем, совершенно игнорируется тот факт, что многие выпускники философских факультетов и отделений успешно нашли себя в качестве профильных профессионалов в самых различных областях общественной жизни. И, не побоимся об этом утверждать, произошло это именно благодаря тому потенциалу, который был сформирован философским образованием. Широко известен термин «философский склад ума», но зачастую под ним понимают лишь способность и склонность к именно философскому восприятию и осмыслению мира, основанному на широте абстрактного видения, обобщения, при этом совершенно забывая о втором, не менее важном, значении.

Второй, практический аспект «философского ума», формируемый изучением данной познавательной традиции заключается в том, что он представляет собою высоко развитую способность систематического, детального и глубоко изучения любого материала, имеющего все составляющие гуманитарного дискурса. Изучение философии – это непрерывная работа с текстами, оно отрабатывает навыки системного текстового мышления, способности анализа, переработки и воспроизведения текстового материала, а, соответственно, формирует навыки скоростного переобучения в рамках пространства любых гуманитарных наук. Второй практический смысл изучения философии заключается в том, что она формирует развитые речевые и общекоммуникативные навыки, которые выполняют важнейшую роль в современной экономической среде, поскольку последняя в плане преобладающей и наиболее масштабной сфере деятельности стремительно эволюционирует в сферу услуг, основанных на том, что, в общем, достаточно точно именуется как «работа с людьми».

Таким образом, указанные выше два основных прагматических аспекта философского склада ума, при их адекватном развитии и умелом сопряжении с мотивацией и стремлением занять профессиональную нишу на рынке труда в областях не связанных исключительно с педагогической и научной деятельностью, как нельзя лучше служат данной цели.

И в заключении следует непременно указать и третью, уже озвученную возможность философии в её прикладном аспекте, - построение академической карьеры. В силу высокой степени междисциплинарности философского знания, его наитеснейшей связи с подавляющим большинством дисциплин гуманитарного цикла, философское образование создает потенциал научно-педагогической деятельности в иных областях гуманитарных наук, либо на границах смежности между данными науками.

В итоге отметим, что несмотря на существующую в культуре контртенденцию по отношению к философскому дискурсу, при грамотном изучении и масштабном перспективном понимании потенциальных возможностей его прагматики он, несомненно, остаётся и является важнейшей частью культуры и образовательного процесса.

СЕКЦИЯ №24.

ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)

СЕКЦИЯ №25.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)

СЕКЦИЯ №26.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)

ИДЕНТИЧНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

Реньш М.А.

Российский государственный профессионально-педагогический университет, г.Екатеринбург

Понятие идентичности не случайно стало одним из лидеров научных интересов последнего времени. Частота его употребления, и количество вкладываемых смыслов свидетельствуют о постоянных поисках некоторой индивидуальности, целостности и единства в самых разных контекстах – метафизическом, историческом, социально-философском, психологическом и других. Так, говорят об идентичности личностной и социальной, национальной и гражданской, этнической, региональной, гендерной, сексуальной, культурной, профессиональной и т.д. Не случайно и то, что попытки сформулировать конкретные и сущностные критерии идентичности в рамках определенного направления философских исследований вызывает критику и поправки со стороны других исследователей. Такое положение в философии вовсе не исключение – любая область научного знания, делая попытку внести ясность в столь актуальный вопрос как идентичность, получает только новую волну дискуссий, оставляя этот вопрос проблемным.

Следует обратить внимание на семантическую вариативность этого центрального понятия. Анализ философских исследований содержания понятия показывает, что идентичность понимается и как самость, Я-

концепция, самосознание или как некоторое единство и целокупность, непрерывность атрибутов в пространстве и во времени, включает социальный и аксиологический контекст. Само понятие «идентичность» появилось и впервые стало разрабатываться в зарубежной философии и психологии. В отечественных исследованиях представления об идентичности традиционно развивались в рамках изучения проблем самосознания и самоотношения.

Особую актуальность исследование сущности идентичности приобретает в связи с тенденциями общественных систем, темпа и содержания их развития. Поэтому идентичность личности как философская проблема сегодня наращивается новыми аспектами.

XX век – век бурных перемен, интересных научных и технических достижений, одновременно век массовых войн, экономических, социальных потрясений, экологических катастроф. Одна из главных тенденций прошлого века – глобализация человеческой деятельности, когда приходит осознание собственной причастности к глобальным проблемам, что делает невозможным достижение полной независимости. Идентичность рассматривается в контексте больших общностей: рас, наций, социальных групп, государств, человечества в целом.

Другая тенденция – индивид получает в свое распоряжение материальные достижения в виде разнообразных товаров и услуг, с одной стороны, что открывает для него новые финансовые и профессиональные возможности, но есть и обратная сторона. Во-первых, это ограниченный лишь финансовыми возможностями выбор – даже обычный поход в магазин становится процессом принятия решений, во-вторых, это возникновение потребительства – жизненной установки, направленной на стремление к престижному потреблению, к получению максимума наслаждений и развлечений, что ведет к потере истинных (терминальных) человеческих ценностей.

Третья тенденция, оказывающая, на наш взгляд, не малое влияние на актуализацию проблемы идентичности – информатизация. Информационный процесс смещает границы между государствами, властью и народом, элитой и массой; он освобождает, смещает границу между доступностью информации и истинным положением вещей, предоставляя возможности для самовыражения. Следствием этого является еще одно явление современности – появление виртуального мира, виртуальной жизни, которая, по сути, еще больше размывает идентичность индивида, ведь не нужно искать ее подтверждения у Других, достаточно просто заявить о себе. Сюда же можно добавить появление массовой культуры, без которой немыслимо становление информационного общества, и процессы унификации, стандартизации, сопровождающие становление такой культуры. Еще одна угроза, возникшая вследствие информатизации – возникновение особых информационных технологий по управлению сознанием людей.

Важность описанного выше социально - исторического пути формирования концепта идентичности состоит и в том, что большинство исследователей подчеркивая значение исторического контекста в исследовании той или иной проблемы, определяют тенденции в ее развитии.

Первая из них восходит к структурно-функциональной традиции, для которой характерно позитивистское решение проблемы человека в целом. В рамках этого подхода личность мыслится как объективно фиксируемая совокупность тех или иных элементов – личностных черт, функций, мотивов и пр., что дает возможность выделения различных инвариантов, позволяющих типологизировать разные «личности» и сравнивать их или друг с другом, или с некоторым эталоном, или сами с собой в разные временные периоды.

Отсюда, как следствие, выбор соответствующего методического инструментария и плана исследования, так как при этом подразумевается, что собственно личность эксплицируется в момент дефицита чего-либо (личностной черты, мотива, функции и так далее), т.е. отклонения от некоторого эталона или нормы.

Второй подход к анализу личности – феноменологический, разработанный в рамках гуманистического подхода. Личность предстает как принципиально уникальная, неповторимая, экзистенциальная сущность. В силу этого – объективно не фиксируемая, не делимая на какие бы то ни было составные части и – на методическом уровне – несравнимая и нетипологизируемая. Соответственно, вместо понятия нормы возникают понятия самоактуализации, личностного роста и пр.

Таким образом, обобщая исторический экскурс проблемы идентичности, мы можем заключить:

1. Становление психологического феномена личностной идентичности происходило по мере социально-культурного, экономического и научно-технического развития цивилизации. Это же развитие придало идентичности статус проблемы.

2. Слово «идентичность» (*identitas*) происходит от классического латинского «*idem*», означающего «тот же самый». В современном понимании чаще всего это понятие осмысливается как "отождествление" или "подобие". В значении «тождества» идентичность получила свое широкое распространение во всех научных сферах, а наибольшую разработанность в философии, начиная с античных времен.

Термин «идентичность» в социальной психологии был предложен Э. Эриксоном. Он же дал двойное определение идентичности. Во-первых, идентичность – это субъективное ощущение тождества и целостности своей личности, возникающее спонтанно, неожиданно, как узнавание своей сущности. Проводя анализ предшествующих научных трудов, Э. Эриксон именно такое переживание идентичности находит в трудах и личных письмах У. Джеймса. Во-вторых, идентичность понимается как результат переживания и осознания своей принадлежности к определенной социальной группе посредством противопоставления существованию других групп.

Развиваясь в науке понятие идентичности приобрело большой спектр значений: самоопределение, самобытность, психофизиологическая целостность, непрерывность опыта, постоянство во времени (относительное или сохраняемое в ходе изменений), психологическая определенность, саморегулируемое единство, тождественность (с самим собой или среди разнообразия других объектов), самость как подлинность индивида, социокультурное соответствие, самопринадлежность, самореферентность, целостность, степень соответствия социальным категориям, модель различения «Я» от «не-Я», релевантность внутреннего опыта внешнему и др.

В целом можно выделить два контекста, в которых рассматривается содержание идентичности: контекст развития, определяющий постоянное становление и контекст сравнения, определяющий соотношение о оценку соответствия одного субъекта другому.

Первый – позволяет определить идентичность как единство устойчивости, преемственности опыта и, одновременно, самоизменяющееся явление, обеспечивающее развитие личности.

Второй – позволяет определить личность в контексте ее социального окружения, референтных групп, ценностей и смыслов, определяющих контекст ее существования.

Небезынтересными нам представляются подходы к осмыслению сущности идентичности А. Тэджефела и Г. Брейквелл.

А. Тэджефел разводит понятия идентификация – как процесс и идентичность – как продукт этого процесса. Собственно процесс формирования социальной идентичности идет через процессы категоризации, идентификации и сравнения.

1) социальная категоризация – упорядочивание социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида;

2) социальная идентификация – процесс, посредством которого индивид помещает себя в ту или иную категорию;

3) социальная идентичность – получение некоторого итога – полного социального отождествления индивида.

Наиболее важным в концепции Г. Брейквелл являются следующие два момента:

1. Непротивопоставление личностной и социальной идентичности, они, по сути, разные точки в развитии единого личностного образования – идентичности.

2. Включение ценностных, мотивационных и смысловых компонентов в структуру идентичности в качестве основного содержания. Важно, что по мере развития личности и большей ее включенности в социальный контекст содержательный и ценностный компоненты идентичности увеличивают свою долю и значение в структуре.

Исследуя исторический контекст идентичности, мы предлагаем аксиологический подход к определению аксиологической сущности идентичности и выделить следующие аспекты (компоненты аксиологической модели):

– когнитивный (ценности знания), т.е. идентичность проявляется на уровне знаний, умений, пониманий технико-технологической стороны социализации, а также общую осведомленность о происходящем, профессии, жизнедеятельности и требуемом информационном пространстве ее успешного исполнения, расцененную субъектом как ценное знание, важна ценность знания для субъекта;

– аффективный (ценности переживания), т.е. идентичность проявляется через эмоциональное принятие сообществ, как в целом, так и отдельных его компонентов, позитивного отношения к себе как к члену этой референтной группы, как ценность переживаний, связанных или обусловленных взаимодействием;

– конативный (ценности опыта и деятельности), т.е. проявление идентичности через поведенческие конструкты, которые интерпретируются личностью как соответствующие требованиям определенной социальной группы, выполнение ролевого репертуара субъекта деятельности и корректировка поведения в связи с особенностями объективных условий и осмысление ценность получения опыта;

– ценностный (осмысленные ценности), т.е. проявление идентичности на уровне самосознания, когда собственные ценности констатируются личностью, как важные и значимые вне социального контекста, они реконструируют или конструируют собственную реальность в соответствии с личностными смыслами.

Таким образом, формирование идентичности происходит поэтапно, где на каждом этапе преобладает тот или иной аспект:

1. Аморфный период, приходящийся на период до ранней социализации, когда ценности личности существуют на уровне ожиданий, но не могут быть подкреплены, поскольку непосредственно самостоятельная активность отсутствует, у субъекта актуальны ценности социально ориентированные, предлагаемые для принятия, но в них есть иерархия, доминанты и т.д. Например, любовь, человек, духовность, власть, деньги. Это предценности.

2. Репродуктивный период, приходится на период самостоятельной активности, выработки собственной траектории жизненного пути, обретения индивидуальности и личностных смыслов, обусловленных рефлексией опыта. Сложный период принятия и осмысления.

3. Первичная идентичность или диффузная идентичность, совпадает с периодом активной социальной ответственности и трудовой деятельности, где ценности-ожидания, усвоенные на предыдущем этапе, интериоризируются, обретают личностное значение и, тем самым, способствуя переходу к следующему этапу развития идентичности. Период заканчивается осознанием собственной иерархии ценностей и смыслов

4. Истинная идентичность или аксиологический период наступает, опираясь на сформировавшиеся конструкты присвоенных смыслов и ценностей, посредством активизации индивида в референтных группах и социальных средах, в т.ч. собственной внутриличностной среде и построения собственных смыслов жизнедеятельности).

Таким образом, обращаясь вновь к историческому контексту, следует отметить, что в силу выше обозначенных тенденций развитие процесса идентификации и идентичности как его продукта, будет направлено в интроспективную траекторию, что в большей степени актуализирует ее аксиологический контекст.

Список литературы

1. Андреева, Г.М. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы [Текст] / Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская. М., 2001.
2. Брейквелл, Г.М. Методологические следствия интеграции парадигм (к проблеме изучения социальных представлений) [Текст]: пер. с англ. Е.В. Якимова / Г.М. Брейквелл // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 1996. С. 208–218.
3. Завалишина, Д.Н. Модели профессионального развития человека [Текст] / Д.Н. Завалишина // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход; под ред. В.А. Бодрова. М.: ИП РАН, 2004.
4. Заковоротная, М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты [Текст] / М.В. Заковоротная. Ростов н/Д: Северо-Кавказский научный центр высшей школы, 1999.
5. Леонтьев, Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции [Текст] / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 25–26.
6. Лэйнг, Р.Д. «Я» и Другие [Текст]: пер. с англ. Е. Загородной / Р.Д. Лэйнг. М.: Независимая фирма «Класс», 2002.
7. Малахов, В.С. Неудобства с идентичностью [Текст] / В.С. Малахов // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53.
8. Реньш, М.А. Аксиология профессиональной идентичности [Текст]: монография /М.А. Реньш // Екатеринбург. 2010.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Яблочкина И.В., д.и.н., профессор

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г.Москва

Поворот интереса ученых и общественности к предпринимательству сегодня не случаен [2, 3, 5, 11]. Исторически предпринимательство было сферой деятельности, в которой могла получить самовыражение и

утверждение своих ценностей активная, целеустремленная личность, успешная индивидуальная деятельность которой объективно служила развитию и упрочению общества. В настоящее время предпринимательство рассматривается как сила, которая, при условии следования высоким моральным и гражданским ценностям, может играть важную роль в поддержке преобразований современного общества, в преодолении кризиса и решении социальных проблем [4, 13].

Существование и развитие предпринимательства как субъекта социальной ответственности было одной из важнейших проблем на протяжении российской истории [7]. Понимание участниками предпринимательской деятельности своей ответственности перед обществом оказало серьезное влияние на формирование типа русского предпринимателя с определенными ценностными установками и моралью [12]. При помощи социально-исторического анализа мы можем проследить состояние нравов российских предпринимателей, их духовные резервы.

В дореволюционной России складывается положительный эталон предпринимателя, действующего согласно нравственным нормам. К основным достоинствам людей делового мира относились такие качества, как предприимчивость, деловая хватка, честность, инициативность, бережливость, а к порокам – безделье, расточительность, нечестность по отношению к взятым обязательствам, преувеличенное честолюбие, необоснованная и неоправданная щедрость. К сожалению, за годы советской власти эти нравственные традиции русского предпринимательства были во многом утрачены.

Русская философия оставила нам богатое наследие для решения проблемы гармонии социальных и индивидуальных ценностей предпринимателя [8]. Так, например, обратимся к творчеству выдающегося философа В.С. Соловьева, в чьих произведениях заложены основы религиозно-философской методологии исследований ценностных оснований экономической жизни. В труде «Оправдание добра» (1899 г.) Соловьев рассматривает этические проблемы хозяйственной деятельности в отдельной главе «Экономический вопрос с нравственной точки зрения».

Философ решительно опровергает утвердившуюся к тому времени в политической экономии точку зрения относительно автономности экономической деятельности по отношению к нравственности. Соловьев подчеркивает, что признавать в человеке только экономического деятеля, то есть производителя, собственника и потребителя материальных благ, – значит, встать на ложную и безнравственную точку зрения. Эти свойства не выражают сущности человека и его достоинства, экономическая деятельность – это всего лишь одна из сфер его деятельности.

Давая оценку экономической сфере деятельности человека, В.С. Соловьев не признавал существования не зависящих от воли людей экономических законов, потому что экономическая жизнь мыслилась им исключительно как деятельность человека, существа нравственного и стремящегося к добру, и тем самым оказывающего непосредственное воздействие на все, что происходит в экономической сфере.

Обстоятельный анализ морального аспекта предпринимательской деятельности предпринял С.Н. Булгаков в труде «Философия хозяйства», опубликованном в 1913 году. Булгакова прежде всего интересовали религиозно-нравственные (православные) основы экономической жизни.

С.Н. Булгаков исследует обширный исторический материал по формированию предпринимательства в России и приходит к выводу, что многие русские капиталисты были выходцами из среды старообрядцев, и для них были характерны такие нравственные ценности, как обязательность, доверие и рачительность. В своей хозяйственной деятельности они руководствовались не только соображениями материальной выгоды, но и религиозно - этическими нормами.

Человеческая личность, согласно Булгакову, является самостоятельным фактором хозяйства. Нельзя до конца понять хозяйственную жизнь вне личной инициативы, вне творческого к ней отношения, волевых импульсов. Булгаков создает учение о трудовой этике, главным выводом которого является следующий: религиозно – этические заповеди (личная ответственность, идеалы подвижничества и аскетизма, честности и справедливости) благотворно сказываются на экономическо-хозяйственной жизни.

С давних времен философия решает проблему ценностной, нравственной мотивации экономической деятельности [6, 9]. В рамках этого решения очевидно: не человек существует для экономики, но экономика существует для человека. Человек является целью всякой экономической деятельности, поэтому все в ней должно быть подчинено не «интересам производства», а потребностям человека. Усвоение исторического опыта предпринимательства [10], осуществляющего свою деятельность согласно ценностям общества, решение проблемы социальной ответственности предпринимательства в современной России позволит прийти к взаимопониманию между российским бизнесом и обществом в целом [1].

Список литературы

1. Асалиев А.М., Васякин Б.С. Развитие практической составляющей в профессиональной подготовке кадров для современной экономики России (на примере РЭУ имени Г.В.Плеханова) // Экономика устойчивого развития. 2014. № 3 (19). С. 9-12
2. Васякин Б.С. Социально-гуманитарный аспект менеджмента //Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. Новосибирск, 2016. С. 60-62.
3. Васякин Б.С. Современный тренинг: новые возможности в бизнесе и образовании. // Геращенко А.Л., Геращенко Ж.В., Глушач Н.Н., Буренкова Е.Л., Котеленко Е.Ю., Белогруд И.Н., Воробьева О.А., Михайловский М.Н., Щербакова О.И., Хамматова Р.С., Бобкова М.В., Ушакова В.Д., Журавкина И.С., Ушакова В.Д., Зарудная Е.А., Сажин В.Ю., Сердакова К.Г., Васякин Б.С., Пожарская Е.Л., Шульченко М.В. и др. Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции 22 октября 2015 года, Москва / Коллектив авторов. Москва, 2015.
4. Гусейнов Ф.И. К вопросу о моральном аспекте проблем экологии // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А. Новосибирск, 2016. С. 49-51.
5. Гусейнов Ф.И. Моральный компонент в современном бизнес-образовании //Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2016. С. 20-22.
6. Гусейнов Ф.И. Метафизика телесности в творчестве Габриэля Марсея//Социально-гуманитарные знания. 2015. № 8. С. 161-172.
7. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. Новосибирск, 2016. С. 64-66.
8. Ивлева М.И. Экологический аспект философского знания: «Логические исследования» А.Тренделенбурга // Современные ориентации общества и культуры сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. Нижний Новгород, 2016. С. 23-27.
9. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994
10. Исаева К.В., Селянская Г.Н. Практическая реализация компетентностного подхода при формировании инновационной модели образования для повышения эффективности производства//Нормирование и оплата труда в промышленности. -2014. -№ 10. -С. 56-64
11. Корнилова И.М. Исторический опыт подготовки кадров народного хозяйства в национальных республиках Поволжья (1918-1991 гг.). Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Калмыцкий гос. ун-т". Москва, 2009.10. Корнилова И.М. Русская культура и развитие просвещения у народов Поволжья в конце XIX - начале XX в. //Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 28-31.
12. Корнилова И.М. Русская культура и развитие просвещения у народов Поволжья в конце XIX - начале XX в. //Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 28-31.
13. Корнилова И.М. Социологические исследования среди молодежи по вопросу современного высшего образования // Гуманитарные науки в современном образовании: проблемы, решения, перспективы развития. Сборник научных трудов. Москва, 2014. С. 131-143.

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ

Герман О.Н., Радишевская Л.В.

Томский Университет Систем Управления и Радиоэлектроники, г.Томск

Широкое использование виртуальных ресурсов трансформирует все элементы современной социальной системы. Виртуальная реальность воспринимается как благо, так как снимаются проблемы: территориальной удаленности, времени поиска информации, отсутствия материального оснащения, недостаток интеллектуальных ресурсов и пр. Несмотря на все вышеперечисленные плюсы, внедрение виртуальных ресурсов приводит к возникновению новых социальных страхов, к возникновению внешних и внутренних барьеров личности. Виртуальная реальность становится новой социальной ценностью, игнорировать которую уже невозможно. Этот факт отметил М. Кастельс говоря, что виртуализация человеческой деятельности приводит к становлению новых форм различных социальных институтов, структур и сообществ. [5; 493] Виртуальная реальность становится естественной средой обитания, как когда то это произошло с миром культуры. Основная опасность, которую обозначает Отюцкий, связана с потребностью переосмысления нового образа жизни человека, формирующейся виртуальной культуры, осознанием роли предназначения и перспектив развития человечества. «...надвигающаяся на нас третья компьютерная революция, может быть, приведет к трудно предвиденным результатам, к созданию компьютеров немислимых скоростей и интеллектуальных компьютеров. Будут ли эти компьютеры превосходить человеческий интеллект, станут ли они соперниками, друзьями, врагами, помощниками или господами человека...» [8; 66].

Одной из ведущих задач выступает необходимость снижения напряжений, связанных с появлением новых видов социальных страхов в виртуальном обществе. Под понятием социального страха понимается состояние сознания, которое связано с факторами изменений, происходящих в обществе. Это состояние характеризующееся переживанием нестабильности, потерей как внутриличностного, так и межличностного комфортного пространства. Результатом чего является переживание потери опоры из вне, стабильности, отчужденности, порождая негативное отношение и даже враждебность по отношению к имеющимся социальным нормам.

В отечественной науке можно выделить следующие подходы в понимании сущности социальных страхов:

1. Асланова утверждает, что социальные страхи являются индикаторами статусной идентичности. [1]

2. Лебедева С.О и Козырева П.М говорят о социальных страхах как о ценностно-когнитивном состоянии личности, характеризующем процессы адаптации к новым условиям жизни. [6;6]

3. Русалинова говорит о социальном самочувствии как об оценке состояния комфорта-дискомфорта. [10]

Таким образом, социальный страх – это состояние, возникающее в ситуации социальной неопределенной опасности, угрозы (ожидание негативной оценки или агрессивной реакции; восприятие отрицательного к себе отношения или угрозы своему самоуважению, престижу) и часто обусловлено непознаваемым источником опасности, с которым еще предстоит столкнуться. [4]

Специфика социальных страхов в том, что они носят массовый характер и выполняют двоякую функцию. С одной стороны выполняют конструктивную, созидательную функцию сохранения имеющегося положения в обществе и стабилизирующую внутриличностное состояние, актуализируя особую значимость имеющихся ценностных приоритетов. С другой стороны, социальные страхи являются предвестником того, что в обществе грядут перемены, в социуме наличествует кризисные явления, призывающие человека к поиску себя и идентификации себя по отношению к обществу. Страх – это естественная реакция на переживание необходимости отказа от имеющегося по отношению к предстоящим изменениям, это внутреннее побуждение человека к сохранению имеющегося и осознанию невозможности этого сохранения при отсутствии осознанного плана действий осуществления новых проектов будущего.

Природа социальных страхов взаимосвязана с биологической реакцией страха. В этом смысле соотношение страха и тревоги отражает единство биологического и социального в человеке. [2;37]

Виртуальное общество порождает новые виртуальные страхи, требующие изучения и выработки методик по снижению социальных напряжений. Рассмотрим некоторые из них.

1. Страх потери Я как субъекта носителя памяти приводит к эпистемологическому одиночеству и отчуждению. В современных условиях сама необходимость развития памяти человеком снимается, ее роль выполняют искусственные накопители. Главное - быть активным пользователем, поисковиком, транслятором. [3;226] При наличии определенных технических средств, всегда есть возможность получения информации любого характера вне зависимости от места нахождения. Человек определяет свое место в мире опосредованно через геолокацию. Отсутствие гаджета приводит к внутреннему ощущению потерянности во времени и

пространстве. Человек переживает панику, когда связь через гаджет становится невозможной, чувство фрустрации приводит к когнитивному диссонансу.

Таким образом, страх потери памяти – это страх потери себя, через потерю прошлого, настоящего и невозможности отчетливого ясного представления своего собственного будущего. Снижение внутреннего напряжения, связанного с этим видом страха возможно при установлении общей целеположенной деятельности, систематизации получаемых знаний и опыта, что позволит Я чувствовать себя неотрешенно от социума, а его элементом. Позволит создать перспективу для долговременного планирования, построения ясного будущего, находиться в контексте целого. Построение целостной картины мира личности и социума позволит удовлетворительно определять себя.

2. Отсутствие необходимости в регулярной активизации сознания, требующей самостоятельного мышления, порождает страх разрушения смыслового континуума. Нивелируется прогностическая функция мышления, система миропонимания становится описательной, а не критичной. Мышление направленно на получение информации, а не на выявление внутренней логики, алгоритма ее содержания. Виртуальные ресурсы содержат необозримое количество информации, это приводит к ситуации неопределенности и дезориентированности. К снижению коэффициента затраченных усилий, а, следовательно, активность работы сознания. К снижению критичности при отборе информации. Как правило, такое знание поверхностно и не может претендовать на глубинное понимание, а самое главное, оно носит зрелищный, репрезентативный характер. Страх быть не зрелищным, не репрезентативным требует создания более ярких, зрелищных компьютерных инсталляций, что предполагает трансформацию эстетического. Самостоятельность и уникальность заменяется компиляцией имеющихся более зрелищных образов себя (аватары), что приводит к отказу от оригинальности собственного представления в виртуальном мире и как следствие приводит к экзистенциальной проблеме появления человека с техническим интеллектом. «Технический интеллект, лишенный чувств и интуиций, способности понимания и прозрения, становится одной из самых опасных вещей в мире» [12; 37].

Эта ситуация порождает чувство страха, связанного с потерей личностно-ориентированного подхода презентации себя, который более не диктуется морально-эстетическими потребностями общества. Разрушение эстетических критериев в обществе меняют саму цель и функции современной эстетики, которая более не может претендовать на объективно-эстетическое переживание реальности, порождая плюрализм субъективных оценок, разрушая пространство для эстетического дискурса и возможности критического отношения к создаваемым образам. Это приводит к страху эмоциональной изолированности проявляющейся в эстетическом одиночестве, аксиологической субъективности, эмоциональной глухоте по отношению к другим и социальным нуждам в целом.

Преодоление аксиологической субъективности возможно только в контексте применяемых коррекционных мер по отношению к двум иерархическим моделям «должного» (виртуальной и реальной). «Должное» как наилучшее из возможного, позволяет выйти за пределы собственной субъективности, создавая условия для обогащения личного переживания презентации себя. Модель «должного» создает поле для со-бытия, со-переживания, со - участия в социуме, преодолевая тем самым эгоцентризм концепта.

3. Страх разрушения образовательно-воспитательной системы, конституирующей единое контекстуальное социальное пространство. Разрушается роль как преподавателя в образовательном процессе, так и роль авторитетов на которые опиралась система образования. Роль преподавателя заключается в формировании единого, объективного смыслового пространства, начинают заменять информационные технологии. Современная образовательная парадигма делает акцент на самообразовании, которое нивелирует роль преподавателя до контролирующей функции. Самообразование предполагает активное использование виртуальных ресурсов, где главное - это получение определенного объема информации, а не приобретение навыков отбора, рефлексии получаемой информации. Эта ситуация усиливает тревожные переживания и порождает страх, связанный с переживанием собственной неполноценности перед требованиями к современному человеку - быть дивергентом. Боязнь неоправдать ожидания техногенного, технологического, совершенного общества запускает программу собственного бессилия и невозможности адекватно социализироваться.

Снижение социального напряжения возможно только при условии создания программ «оптимистических перспектив», позволяющих максимально эффективно использовать воспитательно-образовательный потенциал каждого члена общества в соответствии с его возможностями. [9; 712] Целью педагогической деятельности является формирование, оценка и коррекция картины мира учащегося с учетом современных требований общества.

4. Страх смысловой деструкции, приводящий к разрушению культурных ценностных смыслов. Целостность восприятия текста отвечающего за понимание, разрушается в связи с формированием нового виртуального сленга, с появлением новых сленговых слов, лексики, понятий, не имеющих четкого смыслового

пространства, что способно привести к смешению смыслового пространства, его опустошению (симулякривности), что грозит «лингвистической катастрофой». Так с позиции теоретика постмодернизма У. Экко «Компьютерный сленг - столь распространенные сокращения слов и сообщений в слое виртуального общения людей – образец телефатической редукции как предвестия Вавилона и смешения языков, предвестие лингвистической катастрофы» [11; 33].

Технологические средства репрезентации культуры не должны стать самостоятельным конституирующими явлениями. Для преодоления этого вида напряженности и снижения страха разрушения культурных ценностных смыслов необходимо создавать и популяризировать проекты повышающие культуру и этику языка, усиливающие и объясняющие значимость культурных ценностей. Важно осмысливать перспективы развития культуры, вырабатывать новые социально-культурные стандарты в обществе.

5. Идологический страх, приводящий к потере внешней и внутренней свободы. Появляется новая форма фетишизма. Виртуальный мир превосходит реальный по объему, скорости получения информации и решению проблем, зрелищности. Это новый ритуал общения, предполагающий новые формы ритуальных отношений, который создает ощущение эйфории от собственных познавательных возможностей и творческих потенциалов. Виртуал - это новый идол.

Порождается эффект безответственного отношения перед социальным выбором и внутренним социальным самоопределением, соответственно приводит к отказу от потребности в общественном признании, в оценке, приводит к потере боязни сделать что-то неправильно, быть опозоренным, что усиливает анархические тенденции, деструктурируя общество. Очевидно, необходимо создавать легитимные условия самоопределения личности, опирающиеся на новую объективную систему ценностей. Это значит, необходима новая идеология, выполняющая ценностно-корректирующую, объединяющую и направляющую функцию, подчиненную общей цели.

Масштабность использования интернет технологий охватывает фактически все сферы человеческой жизни, заменяя реальные объекты бытия виртуальными копиями (опосредованными виртуальными аналогами). Это меняет само отношение к реальной жизни, порождая новые виды внутриличностных страхов и социальных напряжений. Снижение социального напряжения в связи с новоявленными страхами возможно при условии усиления внимания к формированию целостной картины мира, объективной системы ценностей, создания программ «оптимистических перспектив», сохранения традиционных культурных знаков и поддержки модернистических тенденций, исключая подмену одних другими. Снижение социального напряжения возможно при формировании новой идеологии виртуального общества.

Список литературы

1. Асланова О.А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. Электронный журнал. [Элект. ресурс] Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-izmeritelnyy-instrumentariy-pokazateli-i-sotsialnye-kriterii> (дата обращения 12.03.2016)
2. Баринев Д.Н. Социальные тревоги: понятие, природа, роль в жизни общества. – М. Алекс, 2010. – 204с.
3. Герман О.Н., Радишевская Л.В. Влияние Виртуальных ресурсов на образовательный процесс// Современное образование: проблемы взаимосвязи образовательных и профессиональных стандартов: матер. Международ. Научно-методической конференции. Томск. Изд-во ТУСУР. 2016. С.224-226
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
5. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. - М.: Academia, 1999. - С. 492 – 505
6. Козырева П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. – 2011. - №6. – С.24-35
7. Лебедева С.О. Социальное самочувствие граждан//Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания: Материалы научной конференции. – Волгоград, 2007. – С.139-142
8. Отоцкий Г.П. Лекция одиннадцатая. Человек эпохи компьютерной революции: развитие методологических подходов к исследованию//Социальные технологии, исследования. – 2015. - №2. – С. 65-82.
9. Петрова М.В. Ресурсы социально-культурной деятельности детских общественных организаций по преодолению социальных страхов у подростков// Современные проблемы науки и образования. – 2014. №6, с.712-713

10. Русалинова А.А. Применение метода групповых оценок в социально-психологических исследованиях//Экспериментальная и прикладная психология. Учен. Зап. ЛГУ. Серия психологических наук. – Вып.4. – Л.: ЛГУ, 1971. – С.211-236
11. У. Эчко «Под сетью» (Электронный ресурс)// URL: <http://philosophy.ru> (дата обращения)
12. Фрумкин К.Г. «Клиповое мышление» и судьба линейного текста (Электронный ресурс)// URL: <http://naukovedenie.ru> (дата обращения)

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК КОМПОНЕНТА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Васякин Б.С., к.э.н., доцент

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г.Москва

К ключевым социально-техническим условиям, формирующим и направляющим процессы постиндустриального развития человеческого общества в XXI веке, относится целенаправленное использование в экономике и социальной практике систем искусственного интеллекта и компьютерных информационно-коммуникативных технологий: телекоммуникации, сети Интернет, модемной и факсимильной связи, электронной почты, цифровых технологий телевизионного вещания [1].

Развитие и распространение инноваций в сфере формирования глобальной мировой информационной индустрии изменяет роль информации и знаний в социально-экономическом развитии и влияет на сознание и психологические установки деятельности человека в новом информационном мире. В связи с этим становление информационного общества рассматривается в качестве социально-технической проблемы, требующей для своего решения последовательного и приоритетного развития технических инноваций, внедрения их в социальную практику. Это также предполагает активное освоение всего комплекса социально-политических возможностей и экономических выгод, вытекающих из их технического потенциала [8]. На процесс формирования основ информационного общества особое влияние оказывают и организационно-психологические изменения в системе ценностей и форм человеческой культуры [2, 4, 7] как следствие усложнения социальной динамики современного информационного мира.

Понимание характера и особенностей влияния информационно-компьютерных технологий на изменение традиционной системы деятельности человека и формы его межличностной коммуникации [3, 5] позволяет раскрыть особенности стиля жизни, образцов и социально-психологических форм поведения человека в современном обществе. Его основой является развитие и усложнение социальных форм движения информации и знаний, которое приобретает глобальный характер и затрагивает все новые и новые социальные структуры, социальные связи и отношения. Важным следствием возрастания темпов научного прогресса, формирование новых социальных ритмов жизни является возникновение массовой культуры [8, 10] и ее воздействие на личность человека и его индивидуальный психологический опыт.

Компьютеризация как фактор развития информационных взаимодействий, также определяет становление организационных принципов и психологических установок в жизнедеятельности современного человека [13]. Она представляет собой процесс внедрения и технической модернизации компьютеров, обеспечивающих автоматизацию информационных потоков и снятие у человека психологических барьеров на пути использования интеллектуальных технологий в различных сферах его деятельности.

Важное положительное психологическое воздействие на человека оказывает осознание повышения эффективности применения компьютерных технологий и инноваций в сфере обработки информации, реализации управленческих взаимодействий. Положительное социальное воздействие на социум оказывает надежность обоснования различных проектов экономического развития, точности оценок экономических рисков и изменений рыночной конъюнктуры.

Основой организационно-психологических изменений социальной, бытовой и технической деятельности человека становится и эффективность использования возможностей компьютера и их влияние на реализацию целей и творческих замыслов современного человека, на обогащение его профессионального и социального опыта.

Информационная деятельность имеет определяющее значение в функционировании любой современной социальной системы. Она ведет к перестройке и изменению статуса основных форм жизнеобеспечения человека и самой его сущности на всех уровнях человеческого общежития, непосредственно влияет на любой акт

коммуникации и участвует в воспроизводстве или изменении сложившихся типов социальной связи. Информационная деятельность является наиболее эффективным способом трансляции человеческой культуры [6, 10, 12] и поддержания порядка функционирования и устойчивости социальных систем.

Внедрение информационных технологий, а также развитие средств вычислительной техники и информатики позволяет автоматизировать отдельные процессы информационной деятельности и в различных областях экономики. Так, информационные технологии в финансовой сфере регулируют процессы управления, определяя особенности комплектования банковских структур и экспертных финансовых систем, которые обеспечивают разработку наиболее эффективных вариантов решений в автоматизированном или автоматическом режиме. Создание потока информации в автоматическом режиме может рассматриваться как фактор поддержки эксплуатационного потенциала имеющихся ресурсов и получения выгоды за счет применения информационных технологий.

В настоящее время информационные технологии становятся важным и ведущим фактором обеспечения процессами управления человеческой деятельности, которые выходят за прежние границы ее регулирования. Они становятся основой формирования широкой сети информационно-компьютерных систем, влияющих на социальную организацию в обществе высоких технологий и на бытие человека в нем. Инновационный характер информационно-компьютерных технологий становится новым неперенным условием, влияющим на такой важный фактор развития человека в современном мире, как информационная культура общества.

Список литературы

1. Гришин В.И., Гришина О.А., Яблочкина И.В., Кошкин А.П., Гушер А.И., Манойло А.В., Бочарников И.В. Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ. Информационно-аналитический вестник / ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». Москва, 2015. Том Выпуск 3
2. Гусейнов Ф.И. К вопросу о моральном аспекте проблем экологии // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А. Новосибирск, 2016. С. 49-51.
3. Гусейнов Ф.И. Метафизика телесности в творчестве Габриэля Марсея // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 8. С. 161-172.
4. Гусейнов Ф.И. Моральный компонент в современном бизнес-образовании // Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2016. С. 20-22.
5. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А. Новосибирск, 2016. С. 64-66.
6. Ивлева М.И. Место логики в системе экономического образования // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 114-116.
7. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994
8. Исаева К.В., Селянская Г.Н. Практическая реализация компетентного подхода при формировании инновационной модели образования для повышения эффективности производства // Нормирование и оплата труда в промышленности. -2014. -№ 10. -С. 56-64
9. Корнилова И.М. Исторический опыт подготовки кадров народного хозяйства в национальных республиках Поволжья (1918-1991 гг.). Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Калмыцкий гос. ун-т". Москва, 2009.
10. Корнилова И.М. Особенности гуманитарного образования в современной России // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 18-20.

11. Корнилова И.М. Русская культура и развитие просвещения у народов Поволжья в конце XIX - начале XX в. //Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 28-31.
12. Яблочкина И.В. Инновационное гуманитарное образование в вузе // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г.Санкт-Петербург, 2016. С. 147-149.
13. Яблочкина И.В., Меламуд М.Р. Преподавание отечественной истории на факультете дистанционного обучения: опыт и проблемы // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2006. № 2.С.3-7.

СЕКЦИЯ №27.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРА

Корнилова И.М., д.и.н., профессор

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г.Москва

XXI век характеризуется вступлением развитых стран на путь создания совершенно новой, постиндустриальной экономики. Формирование продвинутых технологий и их использование в интересах социально-экономического развития государства определяют место страны в мировом сообществе, обеспечивают ее национальную безопасность. Определяющей движущей силой прогресса в целом и развития человеческого общества в частности, являются нововведения, представляющие собой замену старого объекта новым [2, 3]. В экономиках ведущих стран первостепенную роль стали играть компьютеризированные процессы, информационные технологии, инновации в производстве и модернизация различных сфер человеческой деятельности. В этой связи на данном этапе социально-технической революции происходит переход к новой форме организации экономики – инновационной. Основные черты инновационной экономики связаны с разработкой, внедрением и использованием новшеств, с преобразованием организационно-экономического механизма хозяйствования. Наблюдается процесс интеллектуализации экономики [1, 5], в результате чего ее называют также экономикой знаний. Эта экономика помимо традиционных источников должна опираться на особые организации формирования и поддержки инновационного процесса, такие как образовательные учреждения, институты и школы, на основе которых будут готовить не только инженеров и ученых, но и других специалистов, ориентированных на инновационные процессы - экономистов, управленцев, предпринимателей [6, 7, 11].

На одном из первых мест в концепции инновационной экономики как экономики знаний стоит принцип творческого развития личности. Следовательно, необходимо учитывать вклад культуры в воспроизводство самого человека, его знаний, навыков, материальных и духовных ценностей, требуемые для формирования личности в период становления и внедрения новой экономики инноваций. Очевидно, что такое воспроизводство личности возможно только в системе определенных общественных отношений через различные виды деятельности, прежде всего творческой.

Современная модернизация социума характеризуется кардинальными изменениями в организации труда, производственных отношений, в разработке и внедрении основных принципов гражданского общества, социальных отношений. Но неверным было бы утверждать, что эта модернизация цивилизации в настоящее время происходит исключительно в условиях быстрой смены образцов культуры, знаний, ценностей, способов освоения действительности. С одной стороны, в самой культуре можно найти проявления рутины, устаревших стереотипов, отживших традиций. С другой – в рамках любого культурного феномена наблюдается устойчивая, в положительном смысле «консервативная» составляющая, которая обуславливает преемственность в культуре, иными словами, без традиций и исторического наследия нет сегодняшнего дня. Можно быть высокообразованным в техническом и технологическом плане человеком, но в своей жизни не ориентироваться на художественную классику, искусство, что неизменно приводит к заметному торможению развития личности. Интеграция культур, столь насыщенная для современной цивилизации, должна проходить не только на

«горизонтальном» уровне (т.е. осуществлении диалога культур разных стран), но и на «вертикальном» уровне, т.е., в единстве прошлого, настоящего и будущего [4, 8, 10].

В век компьютеризации и различных новейших технологий необходимо подумать и о «развитии души». Изменения в обществе, инновации необходимы. Но различные нововведения сами являются частью культуры. Поэтому без ее движения вперед невозможно определять темпы и характер модернизации социума. В то же время культура не может меняться мгновенно. Люди не в состоянии принимать ее новые формы и характеристики в одночасье. В разрешении этой дилеммы тоже требуется достижение единства, что возможно осуществить не на основе голого отрицания опыта прошлого, уничтожения культурного наследия, а на базе включения старых элементов в новые, путем использования прошлых культурных традиций с учетом новых требований, новых ценностей. Если же этого не придерживаться, то процесс инноваций, реформирования общества, может натолкнуться на сопротивление в сознании людей [12]. Консервативный аспект сознания, направленный в сторону прошлого, отвергает новаторство как в искусстве, так и в других областях общественного сознания. Поэтому сейчас остро стоит проблема: как, не умаляя значения прошлого в культуре, привнести в нее новые нотки, как взаимно обогащать и развивать различные культуры, чтобы создать новую, единую культуру нынешнего столетия. Мы должны вернуться к тому, от чего ушли, но на новом витке общественного развития необходимо учесть ошибки прошлого.

Именно единая культура, включающая в себя национальные особенности различных культур, может способствовать дальнейшему развитию инновационной экономики, формированию у людей нового мышления, осознания того, что каждый человек вовлечен в процесс становления нового общества, а не находится на его обочине. Принцип участия в культурном процессе и его доступности должен являться одним из основных принципов современной культуры [9].

Список литературы

1. Васякин Б.С. Социально-гуманитарный аспект менеджмента //Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебухова Т.А.. Новосибирск, 2016. С. 60-62.
2. Васякин Б.С. Современный тренинг: новые возможности в бизнесе и образовании. // Геращенко А.Л., Геращенко Ж.В., Глушач Н.Н., Буренкова Е.Л., Котеленко Е.Ю., Белогруд И.Н., Воробьева О.А., Михайловский М.Н., ЩербакOVA О.И., Хамматова Р.С., Бобкова М.В., Ушакова В.Д., Журавкина И.С., Ушакова В.Д., Зарудная Е.А., Сажин В.Ю., Сердакова К.Г., Васякин Б.С., Пожарская Е.Л., Шульченко М.В. и др. Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции 22 октября 2015 года, Москва / Коллектив авторов. Москва, 2015.
3. Васякин Б.С., Пожарская Е.Л. Развитие управленческих компетенций современными тренинговыми методами // Теория и методика профессионального образования Сборник материалов международного научного е-симпозиума (Электронный ресурс). Международный центр научно-исследовательских проектов; Научный редактор: Шилова В.С.. 2014. С. 125-137.
4. Гришин В.И., Гришина О.А., Яблочкина И.В., Кошкин А.П., Гушер А.И., Манойло А.В., Бочарников И.В. Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ. Информационно-аналитический вестник / ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». Москва, 2015. Том Выпуск 3
5. Гусейнов Ф.И. Метафизика телесности в творчестве Габриэля Марселя//Социально-гуманитарные знания. 2015. № 8. С. 161-172.
6. Гусейнов Ф.И. Моральный компонент в современном бизнес-образовании //Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2016. С. 20-22.
7. Ивлева М.И. Место логики в системе экономического образования // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 114-116.
8. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов

- Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. Новосибирск, 2016. С. 64-66.
9. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994
10. Тарасова И.В. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии международного книгообмена в 1925-1928 гг. // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 83-91.
11. Яблочкина И.В. Инновационное гуманитарное образование в вузе // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г. Санкт-Петербург, 2016. С. 147-149.
12. Яблочкина И.В., Насонов А.А. Проблемы НЭПа в «беспартийной» прессе Советской России: к вопросу о кризисе российского либерализма // Клио. 2011. № 5. С.72-75.

ТЕНДЕНЦИИ МАТЕМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ивлева М.И., к.ф.н., доцент

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г.Москва

Долгое время утверждалось, что в гуманитарных и социальных науках использование математических методов невозможно, в силу специфического характера объекта этого знания, а именно, человека. Вплоть до XIX столетия в гуманитарном знании практически отрицалось наличие закономерностей, которые могли бы быть описаны при помощи математического языка, да и само понятие гуманитарной науки не вводилось в научный оборот. Гуманизм и антропоцентризм эпохи Возрождения, периода, который большинством современных специалистов в области истории науки рассматривается как один из тех, в котором собственно научное знание еще не оформилось, находилось на стадии «протонауки», сменился присущим эпохе Нового времени интересом к естествознанию, технике, а впоследствии экономике [5]. При этом места человеку как индивиду либо как уникальной личности среди предметов, интересовавших ученых того периода, не находилось.

Несмотря на то, что в эпоху Просвещения на первый план выходит человек как рациональный субъект, неизменным атрибутом которого является разум, дихотомия рациональности и социально-гуманитарного знания остается неизменной, и сферой применения математики остается естествознание, царство объективных закономерностей; связанное же с человеком относят исключительно к миру субъективного, и потому в принципе не поддающегося математическому анализу. Поэтому и существовавшие в то время гуманитарные науки носят описательный, эмпирический характер [6], а в истории провозглашается абсолютная роль субъективного фактора в лице исторического деятеля. Ситуация начинает меняться лишь после того, как французские историки Гизо, Тьер, Тьерри [11] поднимают историческую науку на качественно новый уровень, и начинают изучать, вместо роли отдельных личностей в историческом процессе, историю масс, классов и групп [7], что позволяет обнаружить в истории определенные закономерности и устойчиво повторяющиеся связи и события [4].

В отличие от понятий обычного языка, математические понятия представляют собой обобщение объектов исследования со стороны их количественных характеристик, при котором тщательное изучение этих объектов на качественном уровне ведет к выделению в них такого общего содержания, какое исследуется впоследствии математическими методами.

Как формальные математические методы, так и формальные количественные модели, отвлекаясь непосредственно от содержания действительности, оперируют не случайными, несущественными количественными характеристиками объектов, но теми повторяющимися количественными характеристиками, которые являются для этих объектов существенными и изменение которых ведет к изменению, в конечном счете, качественного содержания системы, элементами которой эти объекты являются.

Таким образом, единство качественного многообразия объектов является одной из важных предпосылок математизации научного знания, и этот факт во многом объясняет ситуацию в науке вплоть до двадцатого столетия, когда вопрос математизации гуманитарного знания не ставился в принципе. В отличие от природных элементов, люди, как элементы действительности и элементы социума, не идентичны друг другу, сознание каждой личности уникально, уникален и неповторим ее духовный, интеллектуальный мир, а также генетический

набор способностей. Вследствие этого чаще говорится о возможности изучения тенденции единообразия между людьми, признается наличие особой методологии гуманитарного знания, направленной, в первую очередь, на понимание, а не на объяснение объекта. Стоит напомнить и тот факт, что появление социологии, как первой частной социально-гуманитарной науки, датируется лишь тридцатыми годами девятнадцатого столетия, и что ее основоположник, французский философ Огюст Конт, в первую очередь, ставил задачу систематизировать социальные процессы, найти общее между, казалось бы, разнородными социальными событиями и фактами, и на основе этого иметь возможность проведения сравнительного анализа, использования другой методологии частных наук с целью открытия социальных закономерностей, возможности научного объяснения и прогнозирования изменения социальных явлений. В то время идея о возможности систематизации гуманитарного знания, выявлении общего в качественно разнородной социальной жизни была настолько невозможной, что Конт вначале называл новую отрасль знания социальной физикой, стремясь к точности естественных наук.

В свою очередь, в течение двадцатого столетия идет диалектический процесс единства дифференциации и интеграции научного знания. Сам по себе итерационный процесс внедрения математических методов в социальные и гуманитарные науки [2, 10, 12] служит отражением фундаментальной связи между совершенно разными, на первый взгляд, дисциплинами и полной несостоятельности попыток строгой дифференциации последних на современном этапе развития системы научных взглядов.

Проблема математизации социально-гуманитарного знания занимает важное место в научных исследованиях, начиная со второй половины двадцатого столетия [1, 3, 8, 9]. Следует отметить, что в нашей стране пионерами в этой области стали историки, которые, начиная с начала шестидесятых годов двадцатого столетия, активно интересовались вопросом возможности применения количественных методов в своих исследованиях. Наиболее видное место среди них принадлежит академику АН СССР И.Д. Ковальченко. В своих многочисленных трудах он изучал возможности применения в исторических исследованиях не только количественных, но и собственно математических методов, при помощи которых возможно создание математических моделей исторических процессов и явлений на основе системы количественных данных, а также построение многомерных типологических классификаций, без которых немислима современная историческая наука.

Список литературы

1. Васякин Б.С. Социально-гуманитарный аспект менеджмента // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. Новосибирск, 2016. С. 60-62.
2. Васякин Б.С. Современный тренинг: новые возможности в бизнесе и образовании // Геращенко А.Л., Геращенко Ж.В., Глушач Н.Н., Буренкова Е.Л., Котеленко Е.Ю., Белогруд И.Н., Воробьева О.А., Михайловский М.Н., Щербакова О.И., Хамматова Р.С., Бобкова М.В., Ушакова В.Д., Журавкина И.С., Ушакова В.Д., Зарудная Е.А., Сажин В.Ю., Сердакова К.Г., Васякин Б.С., Пожарская Е.Л., Шульченко М.В. и др. Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции 22 октября 2015 года, Москва / Коллектив авторов. Москва, 2015.
3. Васякин Б.С. Система управления инновациями в высшем учебном заведении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Всероссийская государственная академия Министерства финансов Российской Федерации. Москва, 2007
4. Гришин В.И., Гришина О.А., Яблочкина И.В., Кошкин А.П., Гушер А.И., Манойло А.В., Бочарников И.В. Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ. Информационно-аналитический вестник / ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». Москва, 2015. Том Выпуск 3.
5. Гусейнов Ф.И. К вопросу о моральном аспекте проблем экологии // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А. Новосибирск, 2016. С. 49-51.
6. Гусейнов Ф.И. Метафизика телесности в творчестве Габриэля Марсея // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 8. С. 161-172.

7. Корнилова И.М. Русская культура и развитие просвещения у народов Поволжья в конце XIX - начале XX в. //Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 28-31.
8. Корнилова И.М. Особенности гуманитарного образования в современной России // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г.Санкт-Петербург, 2016. С.18-20.
9. Корнилова И.М. Формирование системы высшего образования в национальных районах России (на материалах Поволжья). Учебное пособие / И. М. Корнилова; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Калмыцкий гос. ун-т". Элиста, 2008.
10. Малахова Е.В. Преподавание философии в современном вузе: несколько слов о методах и целях // Современные ориентации общества и культуры сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Редакторы: Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк. Нижний Новгород, 2016. С. 27-29.
11. Яблочкина И.В., Меламуд М.Р. Преподавание отечественной истории на факультете дистанционного обучения: опыт и проблемы // Вестник Российского экономического университета им.Г.В.Плеханова.2006. № 2.С.3-7.
12. Яблочкина И.В. Инновационное гуманитарное образование в вузе // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г.Санкт-Петербург, 2016. С. 147-149.

ЭТНИЧЕСКАЯ МОДА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Шулбаева М.Е.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г.Абакан

Одним из актуальнейших вопросов, на который ищут ответ аналитики и практики, является вопрос о возможности поддержания равновесия между этнической и глобальной массовой культурой. Актуальность исследования соотношения социокультурной динамики и сохранения традиций этносов обусловлена наличием многочисленных проблем в современном мире, связанных с самим существованием этноса. Традиции и обычаи, присущие определенному народу, такие как традиции воспитания, гостеприимства, приготовления пищи, ношения одежды также по-разному сохраняются и транслируются из поколения к поколению.

Этническая одежда каждого народа – явление крайне консервативное. Это связано с тем, что любой ее элемент сакрализован, служит либо оберегом, либо закодированной информацией о роде, семье, личности ее носителя. Здесь не случайны цвет, орнамент, покрой. Нарушение канонов всегда наказывалось как святотатство. Поэтому в традиционном обществе *моды* на этническую одежду как такой не было, т.к. этническая одежда была строго канонизированной.

Однако в индустриальном, потребительском, обществе серьезное место в культуре повседневности стала занимать *мода* как социокультурный феномен. Мода символизирует динамизм и изменчивость, реконструкцию прошлого и инновации настоящего.

Одними из первых исследований моды считаются работы Т. Веблена, Г. Зиммеля (1904), затем П. Бурдьё, когда мода выступает индикатором классовой принадлежности, что и фиксируют исследователи. Во второй половине XX века, согласно результатам исследований Р. Барта, модная одежда практически перестает выступать ресурсом установления классовых границ [1,2,3,5]. В отечественной науке одной из заметных аналитических работ, связанных с обзором классических концепций социологии моды являются труды О.Ю. Гуровой [4]. А.В. Конева, рассматривает моду как некий код, позволяющий индивиду идентифицировать себя среди поликультурности общества [6]. Т.Б. Норбоева в своих работах анализирует связь этнического направления с современным стилем одежды, возможность их синтеза на сегодняшнем этапе развития общества [7].

В XX веке многие народы, не только нашей страны, отказались, в силу разных обстоятельств, от этнической одежды. Это, помимо прочего, привело к усилению ассимиляционных процессов, когда одежда перестала быть востребованной как один из важнейших символов этничности. Между тем, национальная одежда является значимым элементом этнической культуры, со своими символами, обозначающими принадлежность к какому-либо этносу. Желание отделить свою национальность от другой с помощью одежды порождает индивидуализацию личности, относящейся именно к этой группе. Поэтому в конце XX века повсеместно формируется такой маркер этничности как этническая мода.

Проанализируем развитие этнической моды в Республике Хакасия. В советское время национальные костюмы использовались лишь людьми старшего возраста, для сцены или музея. Все меньше оставалось семей, у которых можно было увидеть дома национальный хакасский костюм. Возрождение традиционного национального хакасского костюма в конце XX века стало основанием к формированию этнической моды народа.

Создание хакасского костюма как направление модной индустрии стало целью театра моды «Чиркен». Здесь создавалась дизайнерская национальная хакасская одежда, прежде всего национальный костюм. Ассортиментная группа состояла всего из трех вещей: хакасское платье, жилет сигидек и платок, больше никакой одежды в гардеробе хакасской женщине выявлено не было.

Известно, что этническая мода имеет серьезные успехи в своем развитии. Русский стиль покорила подиумы Франции, Италии. Дизайнеры Казахстана, Кыргызстана, Турции и др. демонстрируют образцы высокой моды на основе собственных традиций. Уникальный хакасский национальный костюм пока не стал источником дизайнерской работы.

Позднее на смену театра моды «Чиркен» приходит театр моды «Алтыр» (2009г.). Молодой талантливый дизайнер М. Мамышева стала создавать хакасский костюм как образец высокой моды, высоко оцененный ведущими модельерами страны (В. Зайцев, Н. Михалкова и др.). Поэтому театр моды «Алтыр» выезжает на показы этнической моды в Германию, Канны, Милан. Зарубежным ценителям высокой моды интересны модные направления разных народов.

Потребность в сохранении и развитии хакасской культуры подвигла организаторов провести республиканский конкурс красоты. В 2012 году был организован первый конкурс «Мисс Абахай» (на хакасском языке, абахай – красавица). С 2012 по 2016 год было проведено пять национальных конкурсов красоты, целью которых являлось возрождение эстетических образцов красоты хакасской девушки, умение носить традиционные украшения, классические и стилизованные национальные костюмы, знание традиций, языка, культуры в целом.

Несмотря на серьезные достижения этнической моды хакасского народа, не преодолены и серьезные проблемы, к которым можно отнести, например, нечеткую этническую специфику, когда монгольский компонент, не характерный для хакасской культуры, начинает доминировать в некоторых коллекциях. Здесь же можно упомянуть, что незнание канонов классического хакасского костюма подчас приводит к курьезным ситуациям, в том числе, смешению гендерных границ.

Таким образом, основной предпосылкой к формированию этнической моды в Хакасии стала потребность сохранения и развития хакасской культуры: костюма, традиций, обычаев, языка, обрядов. Одними из важнейших ресурсов этого процесса стали Театр моды «Алтыр» и национальный конкурс красоты «Мисс Абахай».

Список литературы

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры // пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
2. Бурдьё Начала. *Choses dites* / Пер. с фр. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: «Прогресс», 1984.
4. Гурова О. Ю. Социология моды: обзор классических концепций // Социс. – 2011. – №8. – С. 72-82.
5. Зиммель Г. Избранное. — М.: Юрист, 1996. Том 1. Философия культуры. — М.: Юрист, 1996.
6. Конева А. В. Мода как феномен социального воображения // Визуальная культура. – 2013. – № 43. – С. 19-21.
7. Норбоева Т. Б. Феноменология современного костюма в современной моде // Грамота. – 2011. – № 5 (11). – С. 130-133.

ТЕНГРИАНСТВО КАК НЕОТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ ПРОЕКТ¹³

Анжиганова Л.В.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г.Абакан

Противоречивое развитие современного общества требует анализа механизмов формирования мифологем, способствующих, с одной стороны, мобилизации этносов на решение проблем в различных сферах - политической, экономической, социокультурной, религиозной и пр. С другой стороны, новые мифы могут способствовать появлению деструктивных этнических мифологем, разрушающих целостность этносов и надэтнических образований (государства как нации). Позиции авторов исследований и самих этнофоров вращаются в круге традиционалистских, модернистских и неотрадиционалистских подходов.

Актуализация этнического неотрадиционализма в условиях глобализации определяется рядом причин. Среди можно назвать и потребность восстановления собственно этнических ценностей как ядра культуры народа, и обретение собственной этнокультурной «ниши» в открытом мировом мультикультурном сообществе, наконец, поиск представителями этноса личностного духовного роста и самореализации.

В ряду возрождаемых мифологем выделяются религиозные мифы, длительное время способствовавшие сохранению целостности культуры. Наиболее проявившимся явлением стал этноконфессиональный традиционализм, который понимается нами как ориентация индивидуального, группового или общественного сознания на традиционные этнорелигиозные ценности, формы жизнедеятельности, отношения и культовую практику. Это справедливо для религиозной сферы как наиболее консервативной. Основными чертами этноконфессионального традиционализма можно считать: абсолютизацию и консервацию этнических религиозных ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений как единственно истинных; принципиальный отказ от принятия инноваций; наконец, непротиворечивость и единство уровней личности (рациональный, эмоциональный, подсознательный, метафизический).

В религиозном пространстве этносов можно выделить и этноконфессиональный модернизм как ориентацию индивидуального, группового или общественного сознания на модернизацию этнорелигиозных ценностей, форм жизнедеятельности, отношений и культовой практики. Это может осуществляться либо во внеконфессиональном подходе («Бог един, поэтому нет необходимости придерживаться какой-либо одной конфессиональной идентичности»), либо в принятии не характерных для данной этнической группы религий (например, неопротестантизма или экзотических восточных культов), либо в поиске единого знания на основе объединения науки и религии и пр.

Наконец, в последние годы все более выраженным становится этноконфессиональный неотрадиционализм как ориентация индивидуального, группового или общественного сознания на включение в модернизационные процессы традиционных религиозных ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений этноса как ресурса развития этноса. Его основными функциями можно считать: сохранение и развитие этнической идентичности; закрепление этнической солидарности; адаптацию к модернизационным процессам, наконец, удовлетворение личности в духовном поиске.

Одним из неотрадиционалистских проектов, активно возрождающихся в пространстве Центральной Азии является тенгрианство, выступающее преимущественно в форме неотенгрианства. Данный феномен является притягательным для тюрко-монгольских народов, исторически вовлеченных в буддийский, христианский и исламский миры. Поиск собственной конфессиональной ниши приводит эти народы к тому, что тенгрианство было древнейшей государственной религией имперского типа. Так, например, считает монгольский исследователь Галаарид Б., который уверен, что «...хунну придерживались традиции иметь императоров, назначенных Небом, которая унаследована и при поздней монгольской империи...» [3,с.180]. Этой же позиции придерживается хакасский исследователь Тюндешев Г. [4]. В еще большую историческую глубину уводит

¹³ Работа подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ № 15-03-00146 «Мир женщины: эволюция ценностей, символов, ритуалов».

происхождение тенгрианства татарский исследователь Р. Безертинов: «Представление о Тэнгри, восходящее своими корнями к V-IV тыс. до н.э., как главным божестве было характерно для всех тюрков и монголов Великой Степи...» [2, с.6].

Исследованию тенгрианства как *открытой* мировоззренческой системы посвящены работы казахского профессора Н.Г. Аюпова, который считал, что это свойство позволило тенгрианам быть исторически толерантными другим конфессиям, а в XX веке - совмещать основные идеи с научными достижениями [1].

Тенгрианство как религиозная система, на наш взгляд, ориентировано на обретение человеком единства с миром (Небом как Вселенной, природой как Родиной, Народом как социумом) и самим собой как микрокосмосом. Тенгри здесь выступает как Творец, Носитель и Податель Жизненной Силы (Хут), Судья («строгий, но справедливый»). Важнейшим принципом отношения человека к Универсуму является онтологизация этики, иначе говоря, распространение этических норм на мир в целом.

Основными чертами тенгрианства можно считать: поклонение Природе (культ гор, солнца, стихий и пр.); гармонизация общества как «людей с солнечной грудью» - сынов Неба; социальное равенство («равный над равным права не имеет»); культ Великих предков; гендерный баланс, когда женщины свободны и равноправны; культ детей как носителей сакральной силы; культ старейшин как олицетворение родовой чистоты и силы и пр.

В отличие от развитых религий, в том числе мировых, тенгрианство не имеет священных текстов. Знание о мировоззренческих основах передавалось от поколения к поколению, от учителя – ученику в устной форме. В наиболее полном виде эти знания представлены в героическом эпосе народов. Тем не менее, у тенгрианских народов фигурирует устойчивый миф о существовании священной книги «Алтын пичик», находящейся, по разным версиям, в высших слоях Неба либо в глубинах пещер. Служителями культа в тенгрианстве являются моральные авторитеты, обладающие большим жизненным опытом (алгысчи), либо сильные шаманы «с девятью бубнами». Они проводят многочисленные ритуалы, самым главным из которых является жертвоприношение Небу – «тигир таих». Известно, что, например, хакасы проводили их вплоть до первой трети XX века как родовые моления.

Тенгрианство в условиях глобализации приобрело новые черты и институциональные формы. В последние годы оно активно распространяется за пределы тюрко-монгольского мира (Монголия, Казахстан, Кыргызстан, Саха (Якутия), Тыва, Бурятия, Алтай, Хакасия). Активно интересуются этой религиозной системой в Турции, Венгрии, Болгарии. Неотенгрианство проявляется и в том, что оно стало, прежде всего, объектом научного анализа: осуществляются исторические, философские, психологические исследования, результаты которых излагаются в статьях и монографиях, обсуждаются в электронных ресурсах, на научных конференциях. Последних проведено пять – дважды в Монголии, республиках Якутии, Тыва, Болгарии. Исследователи, пытаясь определить специфические черты неотенгрианства, порой приходят к экзотическим выводам. Например, Тюндешев Г. считает, что неотенгрианство в XX веке существовало в форме...социализма [4, с. 97].

Тем не менее, мы вынуждены констатировать, что тенгрианство остается религиозной системой, т.к. его сторонники в вышеназванных регионах ревитализируют культовые места и проводят обряды, в том числе, календарные праздники.

Одной из наиболее распространенных мифологем неотенгрианства последних лет является идея о скором приходе Спасителя (Гадар – хана), который восстановит сакральную связь человечества с Великим Синим Небом. Это приведет к гармонизации человечества с Природой и самим собой.

Список литературы

1. Абаев Н.В., Аюпов Н.Г. Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии.- Абакан, 2009,-250 с.
2. Безертинов Р.Н. Тэнгрианство – религия тюрков и монголов. – Набережные Челны: «Аяз», 2000. – 455 с.
3. Галаарид Б. Тэнгрианство – премудрость, достояние кочевников // Тэнгризм бамонголчууд //Эмхэтгэгч Б.Галаарид. Редактор Л.Дашням. – Улаан-Батор: «ЦАЛИГ», 2011.
4. Тюндешев Г.А. (Харамоос). Тэнгрианство и христианство. Битва титанов. Минусинск: Печать плюс, 2016. – 112.

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД

Январь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2016г.

Февраль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2016г.

Март 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных общественных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2016г.

Апрель 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в общественных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2016г.

Май 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2016г.

Июнь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы общественных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2016г.

Июль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных общественных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2016г.

Август 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития общественных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2016г.

Сентябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Общественные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2016г.

Октябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы общественных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2016г.

Ноябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Общественные науки: вопросы и тенденции развития**», г.**Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2016г.

Декабрь 2016г.

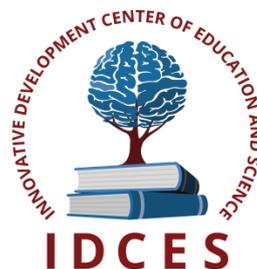
III Международная научно-практическая конференция «**Перспективы развития современных общественных наук**», г.**Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2017г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Общественные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные проблемы и достижения
в общественных науках**

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 апреля 2016г.)**

**г. Самара
2016 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.04.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,2.
Тираж 250 экз. Заказ № 48.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58